

ЮЛИЯ ЛАВРЯШИНА

Т Е Н Ь Л О Г О В А

СГОРЕВШАЯ ЖИЗНЬ

Юлия Александровна Лавряшина

Сгоревшая жизнь

Серия «Тень Логова», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69325324

Ю. А. Лавряшина. Сгоревшая жизнь: ООО «Издательство «Эксмо»;

Москва; 2023

ISBN 978-5-04-188590-8

Аннотация

«Сгоревшая жизнь» – третья книга в цикле психологических детективов Юлии Лавряшиной.

Вернувшись в Москву, следователь Артур Логов и его юная помощница Саша Каверина, мечтают вместе открыть собачий приют. Но череда жестоких убийств не дает им заняться благим делом. Преступления, с которыми они сталкиваются, настолько чудовищны, что кажется, их может совершить только психически нездоровый человек. Чтобы остановить его Артур и Саша готовы на все, хотя понимают, что ходят по краю...

В этой книге Артура и Сашу ждут новые испытания, особенно сложные и болезненные, так как им предстоит иметь дело с пациентами психиатрической больницы. И здесь непредсказуемые «игры разума» будут особенно опасными.

Юлия Лавряшина – автор более 50 книг для взрослых и детей.

Читатели, оценившие романы Юлии о непростых человеческих отношениях, отмечают в них тонкий психологизм и изящный слог.

В 2021 году состоялся «кинодебют» писательницы – Юлия выступила в роли соавтора сценария к мистическому сериалу «Историк». Этот опыт вдохновил ее на создание собственного мира мрачных тайн и увлекательных расследований.

Юлия Лавряшина

Сгоревшая жизнь

© Лавряшина Ю., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Безумие... Болезнь это или параллельный мир, населенный иными формами жизни? Там все развивается по своим правилам и правит мораль, порожденная больным мозгом, считающим ее безупречной, единственно возможной.

На реальность обычных людей безумие ложится прозрачной пленкой, зачастую незаметной стороннему взгляду, но при этом искажает все абсолютно. Недопустимое становится возможным, уродливое – прекрасным. Убийство видится высшим проявлением любви, ведь совершается во имя...

Как угадать человека, лишившего других жизни, в толпе, если на нем маска нормальности? Кто из людей трезвомыслящих в состоянии уловить логику безумца и указать пальцем: «Вот он!»? Да и способен ли понять ее мозг не менее воспаленный, но имеющий иную природу?

В народе говорят проще: «Каждый по-своему с ума сходит». И в этих словах таится та самая сермяжная правда, с которой не поспоришь. Каждый корчится в своем адском

пламени...

* * *

Пухлая рябь облаков с холодноватыми голубыми прожилками напоминает о скорой зиме, хотя еще сентябрь и огненные клены помогают оживать и даже улыбаться на ходу. Я гоню себя из дома, чтобы не окоченеть в одиночестве. В нашей квартире жутко холодно, приходится кутаться, хотя она небольшая по московским меркам, а отопительный сезон уже начался. Без мамы прогреваются только комнаты, но не я...

Даже в Крыму я не впитала солнце в свое чахлое тельце, ведь нам с Артуром Логовым пришлось не отдыхать там, а расследовать убийство. И не одно... Конечно, дело распутывал он, я всегда на подхвате, но Артур твердит, будто без меня не справился бы. Он знает, как важно мне это слышать. Чувствовать, что кому-то я нужна в этом мире, где больше нет моей семьи...

Все, кто выходит из школы во взрослую жизнь, мечтают освободиться от родительской опеки, но я никогда не хотела, чтобы это произошло так буквально. Когда свобода достается ценой жизни близкого человека, она становится синонимом бесконечного одиночества.

Артур клянется, что не бросит меня замерзать в пустоте. Пытаясь развеять мои сомнения, он даже оставил на моей

кухне почти литр самодельного крымского вина, которое купил у старика на берегу Розового озера. Прокопченный до черноты, дедочек сидел со своими бутылками на деревянном ящике на обочине пыльной дороги, а Логов притормозил рядом, чтобы уточнить, с какого берега вода розовеет во всю силу.

– Да с любого! Выбирай что хочешь, – уверенно отозвался дед, сделав широкий взмах, точно пытался продать нам огромное озеро.

А когда Артур поблагодарил, застенчиво спросил:

– Вина не возьмешь? Вкусное.

– Возьму, – охотно согласился Логов. – На обратном пути.

Наверное, старик решил, что это отговорка и нашу машину он больше не увидит, но мы действительно вернулись к нему, вдоволь налюбовавшись розовым перламутром волшебного озера. И не только ради вина: Артуру понравилась расслабленность старика, восходящая к дзену, умиротворенная любовь к тому миру, крошечной частью которого он был и не желал ничего большего.

Артур купил самую большую бутылку, а дед с чувством спросил:

– Откуда такие хорошие люди?

– Из Москвы, – в голосе Артура прозвучала радостная гордость за родной город, которая меня позабавила.

У меня возникло опасение, что сейчас старик разочарует его, ведь жители других краев недолюбливают москвичей и

обижаются на столицу, но тот лишь кивнул:

– Бывал. Лет сорок назад. А то и больше... Сильно изменилась, наверное?

– Сильно.

– Ну а как? – Старик степенно развел руками. – Жизнь течет... Это я вот тут как сидел, так и сижу.

По дороге Артур повторил:

– Как сидел, так и сижу... Он сказал об этом без сожаления, ты заметила? Это его кредо. Счастливый мужик! Гонит свое винишко, смотрит на красивое озеро, перебрасывается фразами с людьми, которые снуют по миру... И не желает ничего другого.

А вино и вправду оказалось невероятно вкусным, Логов чуть волосы на себе не рвал оттого, что купил только одну бутылку! Мы попробовали его – Артур плеснул мне три капли! – уже в Москве, когда он доставил меня домой и потом завалился спать на диване в гостиной. Совсем как в тот расколовший мою жизнь день, когда убили маму и ему было страшно оставить меня одну. Несколько раз и после этого Логов оставался у меня, отчего старухи-соседки, наверное, с ума сходили, ведь его «Ауди» торчала под моим балконом на зависть всему двору. Пусть их пошлые домыслы останутся на их совести... Разве они знают хоть что-то о нас?

Он мгновенно уснул, а я вернулась на кухню и налила полный стакан вина. Даже если Артур заметит, насколько убавилось в бутылки, разве станет меня упрекать? Сам он просто

не может себе позволить спаивать меня... Я выпила стоя – залпом. Не за чье-то здоровье и не поминая кого-то... Мне просто хотелось ненадолго ощутить ту небесную легкость, которую обещает опьянение. В конце концов, я уже совершеннолетняя, имею право... Хотя была бы жива мама, вряд ли мне захотелось бы этого, ведь с ней и так жилось легко. По крайней мере, не было горя, которое норовит сплющить тебя, как многотонный пресс.

Вино не обмануло... Заволновалось сердце, смягчились мысли, поплыли медленно, наползая друг на друга, как медузы в морской волне. Поедем ли мы на море еще когда-нибудь?

На ослабевших ногах я кое-как добрела до дивана, на котором спал Артур. Его невероятное лицо казалось печальным, хотя днем он силился улыбаться, чтобы не огорчать меня. Когда мужчина, любивший твою маму, после ее смерти становится лучшим другом, можно ли считать это везением? Не думаю. Но мы сработались с ним и, хоть пока я так и не решилась стать его официальной помощницей в Следственном комитете, Логов как-то уладил с руководством, чтобы мое появление на месте преступления ни у кого не вызывало приступа ярости. И даже выплачивает мне «гонорар» как частному сыщику – мне ведь нужно на что-то жить...

Эти проблемы решила бы продажа особняка, доставшегося мне в наследство от отца, но мне просто до дрожи хочется организовать там собачий приют. В память о маме, с которой

мы вместе заботились о бездомных бедолагах... Артур эту идею поддержал – ему до сих пор не удалось забыть голубые глаза Моники, которую выгулял однажды, но не сумел приручить – эта собачка боялась всех просто панически и без конца оглядывалась на него с ужасом и мольбой: «Только не бей меня...»

Представляю, как разрывалось у него сердце!

* * *

Открыть зооприют оказалось не так-то просто... Оказалось, что нужна чертова куча разрешений, справок и прочей ерунды, в которой я совершенно не разбиралась, а Логову некогда было таскаться со мной по инстанциям. И он прикомандировал ко мне Никиту Ивашина, своего бывшего стажера, который с сентября официально работал в Следственном комитете. Хотя я сразу поняла, что этот милый одноглазый парень (правда одноглазый!) разбирается в бюрократических препонах ничуть не лучше меня...

Зато ему не нужно было ничего объяснять о той странной жизни, которую я веду, ведь он расследовал с Логовым убийство моей семьи. Поэтому я даже обрадовалась тому, что рядом будет Никита, а не совершенно посторонний человек, не понимающий происходящего со мной.

Мы как раз и тащились с Никитой из очередной конторы через парк, почти пустой из-за внезапного похолодания, ко-

гда это все началось... По длинным аллеям рыжими мышками пробежали сухие листья, которые я невольно провожала взглядом, и вдруг Ивашин повернулся ко мне, как всегда немного чудно наклонив голову (левый глаз у него стеклянный), и улыбнулся совсем по-мальчишески:

– А давай похрустим?

Мне уже так хотелось есть, что я первым делом подумала о чипсах, но он помотал своей одуванчиковой головой – волосы опять отросли:

– Да нет, листьями!

– Ты серьезно? – вырвалось у меня. – Никитос, ты же вроде как уже дипломированный юрист... Серьезный человек.

– Я же не на работе, – возразил он. – Ну? Погнали?

Как такому дурачку отказать?

Мы протиснулись между облысевшими круглыми кустами и оказались на разноцветной полянке. Крупные бордовые и рыжие пятерни кленов захрустели под нашими ногами громко и даже смачно, а березовые золотники робко вторили им. Конечно, Никита не мог знать, как любили мы с мамой бродить по осенней листве, прислушиваясь к шуршанию под ногами и болтая обо всем на свете. Мы верили, что так будет еще много лет...

А теперь со мной рядом с наслаждением печатал шаги парень, который ничего для меня не значил, но я пыталась делать вид, будто мне весело, хотя в носу щипало все сильнее. Осень всех осыпает моросью меланхолии, и у каждого вто-

рого комок в горле... Но в моем случае – это не просто настроение. Я учусь одиночеству, хотя Артур, а теперь и Никита по его приказу пытаются мне помешать. И все мы понимаем при этом, что в моей жизни они не задержатся надолго. Понянутся, пока сил хватит, и пойдут своими тропами.

Так и должно быть. Никто не обязан вечно спасать меня от тоски по маме, от пугающих теней, от давящей тишины в квартире... Это просто осень загоняет меня в угол, где ютятся призраки, еще недавно бывшие моей семьей. Нужно сорвать с лица ее липкую паутину, мешающую дышать, раздвинуть мокрые голые ветки, похожие на прутья решетки, и вырваться из своего горя в реальную жизнь.

Для того я и придумала этот собачий приют, где волонтерами станут женщины, сбежавшие от мужей-абыюзеров. Мама сказала бы: тиранов. Она терпеть не могла эти новомодные словечки: буллинг, моббинг, харассмент...

– Как ни назови, это остается психологическим насилием, – говорила она. – Чем понятнее звучит «буллинг»? Слово-то какое противное... Тошнотворное.

Сама она ни разу на моей памяти не применила ни жестокости, ни насилия. Наверное, Артур и припал к ней всем своим существом потому, что мама была не только красивым, но и самым добрым человеком в мире, а ему после ежедневной возни с убийцами необходимо очищать душу. Я не особо помогаю ему в этом... Зато от меня бывает польза в расследованиях. По крайней мере, он убеждает меня в этом.

Лукавит?

– Ты не этим путем ходила в школу? – спросил Никита
– отвлек меня, чем по замыслу Артура и должен был заниматься.

– А? – очнулась я. – Нет. Моя школа в другой стороне.

– Хорошая была?

Я пожала плечами:

– Обычная. Такого, как Артур вспоминает о своих друзьях детства, у нас не было. Хотя, может, у кого-то... Но не у меня.

– А что он вспоминает? – с жадностью спросил Никита.

Похоже, ему тоже не особо везло на школьных друзей...

– Ну, знаешь, эти классические эпизоды: походы, пикники, школьные танцы, песни под гитару... Тебе не кажется, что у их поколения все было как-то проще и веселее? Мои вот одноклассники все как один упирались в учебу. Разговоры сводились только к этому проклятому ЕГЭ, к репетиторам, проходным баллам...

– Все поступили из вашего выпуска?

– Понятия не имею.

Он даже остановился:

– В смысле? Ты ни с кем не общаешься?

Чувствуя себя бездушным чудовищем, я покачала головой.

– Тебе вообще все люди по фигу? – уточнил Никита, глядя на меня как-то по-новому.

Но я возразила:

– Не все. Есть Артур. Ты, если уж на то пошло...

– Ну конечно, – пробормотал он. – Меня завтра пристрелят, ты и не вспомнишь.

– Вспомню, – заверила я. – Ты – единственный пират из моих знакомых. Как можно тебя забыть?

В первый момент он готов был обидеться, но тут же рассмеялся, сразу став тем солнечным мальчиком-одуванчиком, которым был, когда я увидела его впервые. Тогда его лохмы беззаботно торчали во все стороны! Логов заставил его постричься – работа в Следственном комитете обязывает... Сейчас они уже слегка отросли, но его голова все еще имеет вполне приличный вид. А в остальном Никита ничуть не изменился: тот же нежный овал лица, и чуть что – краснеет так же легко. Но держаться стал увереннее, наверное, логовской силой подпитался. Нам всем спокойнее, когда Артур рядом.

– Сашка, ты – еще тот кадр! – заявил Ивашин.

И я ничуть на это не обиделась.

Но Никита внезапно изменился в лице, заметив что-то за моей спиной. Обернувшись, я увидела компанию подростков, веселившихся и оравших на все голоса на детской площадке, где уже не было малышей. Один из ребят, в красной куртке, карабкался на мачту разноцветного металлического корабля, на которой болталось что-то белое, похожее то ли на косынку, то ли на парик, – мне никак не удавалось рас-

смотреть.

– Как бы не грохнулся, – пробормотал Никита.

И сглазил... Добравшись до верха, пацан сорвал то самое, белесое, повертел им у самого носа, разглядывая, и вдруг пронзительно завопил. Отшвырнув свою добычу, он резко откинулся назад и не удержался на мачте. Отчаянно замахал руками, попытался ухватиться за металлическую перекладчину, но ладонь соскользнула, и мальчишка полетел вниз – даже не камнем, а распластанной в воздухе гигантской красной кляксой. Или лужей крови.

Я подумала об этом уже на бегу, пытаясь догнать Никиту, прыгавшего через ограждения, стилизованные под разноцветные заборчики, которые были чуть выше колена. Какое бегать с одним глазом? Это же черт знает как страшно, наверное... Никогда не спрошу у него об этом – как можно?!

Друзья упавшего подростка оказались на кораблике первыми, но толку от них было мало – они топтались вокруг, с ужасом разглядывая его окровавленную голову. А упавший что-то силился сказать, приподнимая и снова роняя руку...

– Вызывай «Скорую»! – бросил Никита, сорвал с себя куртку и опустился рядом с пострадавшим на колени.

Пока я звонила и объясняла, что случилось, он подложил свернутую куртку мальчишке под голову, выудил откуда-то чистый носовой платок, прижал его к ране на затылке и командовал пацану, стоявшему ближе всех:

– Прижми. Надо забинтовать.

– Я?! – ужаснулся тот и попятился.

Но Никита гаркнул:

– Живо!

И мальчишка тут же плюхнулся на колени рядом с ним. А я подумала, что кое-чему помощник уже научился у Логова...

Бинтов, конечно, ни у кого с собой не было, и Никите пришлось пожертвовать свой шарф, чтобы замотать рану и остановить кровотечение.

– Что? – Он склонился к пострадавшему, который все время силился что-то сказать.

Потом оглянулся на меня. По крайней мере, правый глаз его выражал ужас:

– Сашка, посмотри там... Что это?

Он показывал на тот загадочный предмет, тускло белевший в рыжеватой листве, из-за которого пацан и сорвался с мачты. Мы же так и не поняли, что это было...

Внезапно мне стало страшно.

– Сейчас «Скорая» приедет, – пробормотала я, как будто это могло освободить меня от обязанности осмотра.

Но Никита уже отвернулся и заговорил с раненым, как я догадалась, чтобы тот не отключился. Приветливо улыбаясь, как будто принимал его в полную энтузиазма команду волонтеров, Ивашин выпытывал у него имя, возраст, адрес – все, что могло заинтересовать медиков. Хотя эти сведения могли сообщить и его приятели... Но нужно было держать

мальчишку на грани сознания, и Никита с этим справлялся.

А мне оставалось заняться той белой штуковиной, которая до смерти (ну почти!) напугала мальчишку... Что это могло быть? Мои шаги становились все короче, мне до жути страшно было приблизиться к ней. Если уж подросток струхнул! А им же вообще все по барабану...

Собравшись с духом, я присела возле того, что смахивало на кусок пакли, которую обмакнули в деготь. Еще не понимая, с чем имею дело, я ощутила, как противно коснуться этого, и подняла сухую палочку, а уже ею подцепила «паклю». И...

Нет, я не заорала так, как тот пацан. Даже не взвизгнула и не откинула скальп в сторону. Да, это был человеческий скальп со светлыми длинными волосами. Мне показалось – настоящий. А если бутафорский, то выполненный очень правдоподобно. От него даже пахло кровью...

– Что там? – крикнул Никита, обернувшись ко мне.

Пугать остальных мальчишек не хотелось, поэтому я ответила:

– Надо позвонить Артуру.

Чтобы он понял, насколько все серьезно...

В тот же момент я услышала сирену «Скорой помощи».

* * *

Сквозь испуганный, приглушенный Сашкин голос проби-

вался вой сирены, Артур расслышал его:

– Это к вам «Скорая»?

Она ответила не сразу, видимо, обернулась, чтобы убедиться:

– К нам. Быстро приехали!

– Спроси, куда его увезут. Ивашин выяснил фамилию и прочее?

– Да-да, Никита все записал, – ответила она скороговоркой. – Ты скоро приедешь?

– Уже спускаюсь к машине. – Артур действительно в этот момент сбегал по лестнице, на ходу надевая плащ.

Сашка пискнула:

– Скорей! Я просто в ужасе.

И отбила звонок.

Ступени летели навстречу и за его спиной ускользали вверх. А мысли закручивались вихрем: «Человеческий скаल्प? Откуда он взялся? Сашка не паникерша... Но могла ошибиться. Где она видела скальпы?»

Но то самое чутье, которому Логов привык доверять, подсказывало: девочка не ошиблась. Запах крови говорит сам за себя. Конечно, она может оказаться не человеческой, но кому и зачем нужно было создавать подделку? Чтобы паванов напугать до дрожи? Игра не стоит свеч... Была иная цель. Это в случае, если скаल्प искусственный. А если настоящий?

По дороге Артур пробил сводки: оскальпированного тру-

па за последний месяц в Москве не находили. Он сделал в памяти зарубку позднее поднять сведения из соседних регионов, хотя в Подмоскovie вряд ли встречались кровожадные индейцы... Сашке вроде бы ничто не угрожало, да и Никита находился с ней рядом, но сердце у Логова было не на месте.

Он попытался перенаправить тревожные мысли на помощника: надежный парень и с головой, Логов уже не раз поблагодарил судьбу и своего начальника Разумовского, что подсунули ему именно Ивашина. Стрелять им, к счастью, не часто приходится, а некоторым и вовсе никогда, так что и с одним глазом работать можно. Внешне-то ничего не заметно, хороший протез парню сделали... Зачем он вообще общается каждому встречному, что у него нет левого глаза?

Навстречу попалась машина «Скорой», и Логов подумал, что это, возможно, та самая – увозит пострадавшего мальчишку, сброшенного с высоты неподдельным ужасом. Артур так и не понял, откуда тот свалился: Сашка бормотала что-то сначала про парк, потом про корабль...

«На месте разберусь!» – отмахнулся он.

Лишь бы позвоночник у пацана остался цел! Хотя черепно-мозговая травма – тоже еще та радость... Сам Логов, к счастью, не перенес ни того, ни другого, только пулю в ногу получил, хорошо хоть выше колена... Но с тех пор чаще ездил на машине.

Оставив «Ауди» у входа в маленький парк, не выдержавший конкуренции с раскинувшимися неподалеку угожда-

ми ВДНХ и потому безмолвно зараставший светящимся на солнце подлеском, Артур набрал Сашкин номер:

– Вы в каком месте?

– На детской площадке, – четко отрапортовала она. – Там, где корабль.

«А... Вот что за корабль!» – Сашке он не признался, что сперва решил, будто она бредит со страха.

– Иду, – бросил Логов и убрал трубку.

Раз корабль вполне реальный, то и скаल्प может оказаться настоящим. А значит, это убийство, совершенное с особой жестокостью, как раз по его части...

Сашку он заметил издали, хотя, с ее ростиком, она легко терялась среди подростков. Их Ивашин не отпустил, молодец... Хотя какие с них возьмешь показания, что они видели, эти до дрожи перепуганные дети? Куда только обычная дерзость подевалась... То же самое расскажут и Сашка с Никитой. Но следствию нужны независимые свидетели, помощник это знал.

«На всех детских площадках установлены камеры, – припомнил Артур, направляясь к холодно поблескивавшему кораблю. – Это значительно облегчит работу. Если, конечно, наш хитроумный индеец не позаботился обо всем заранее...»

Он позаботился.

Это Логов понял, как только подошел достаточно близко, чтобы разглядеть белый пакет, нахлобученный на каме-

ру. Его ручки были накрепко связаны узлом, чтобы не сдуло ветром. Если только потенциальный преступник проделал это не ночью, кто-то из прохожих мог обратить внимание. Нужно искать свидетелей...

Сашка уже подбежала и перехватила его взгляд:

– Ты тоже заметил?

– Привет, – произнес Артур негромко, осторожно сжав ее острый локоток: «Держись!»

Подросткам, топтавшимся поодаль, только кивнул. Оди-наково приоткрыв обметанные рты, они уставились на него с ужасом: настоящий коп явился! Сейчас вытрясет из них души...

Логов отвернулся, чтобы скрыть усмешку, достал латекс-ные перчатки:

– Ну, показывайте.

Не произнеся ни слова, Сашка подошла к чему-то валяв-шемуся поодаль. Шагая за Логовым следом, Никита прого-ворил:

– Собак отгонять приходится, так и лезут на запах.

«Значит, есть запах, – отметил Артур. – Пса не обма-нешь...»

Присев над Сашкиной находкой, он сперва рассмотрел предполагаемый скаल्प, сделал пару фотографий, потом взял его, чтобы разглядеть получше.

– Каждый раз поражаюсь, как его не тошнит, – побормо-тала Сашка.

– Я все слышу, – откликнулся Артур. – Это что! Я с уже мертвой плотью дело имею... А вот как люди на скотобойнях работают? Этого мне никогда не понять.

– Вам было бы жалко коров? – подал голос Никита.

– А тебе нет?

– Я и не ем мясо...

Логов поднял голову и уставился на него с изумлением:

– Ты – веган?! С каких пор?

– Мы с вами давно не обедали вместе...

Вздохнув, Сашка отвела глаза:

– Теоретически я даже поддерживаю вегетарианство. Нет, ну правда! Как представишь слезы в глазах теленка... Ох...

– Но от хорошего гамбургера ты в жизни не откажешься, – поддел ее Артур.

– Не откажусь, – призналась она покаянно.

Никита принял вид оскорбленного достоинства, задрал подбородок:

– Это ваш выбор.

– Мальчик, мы не пытаемся тебя унижить...

– Называя мальчиком?!

– От такого старика, как я, не обидно это услышать.

– Какой вы старик?! Вам же сорок лет.

Разглядывая скальп, Артур произнес с трагическим пафосом:

– Я прожил много жизней. Вот с этими бедолагами... Ну что я вам скажу? Скальп настоящий. Это настоящая кожа,

а это настоящие волосы. И кровь тоже настоящая. Надо вызывать Коршуна.

– Коршуна? – удивилась Саша.

– Анатолия Степановича. Это наш гениальный криминалист.

– А, – вспомнила она. – Точно. Маленький такой хомячок... Ничуть не похож на хищную птицу...

Никита взглянул на Логова с подозрением:

– Вы это с сарказмом говорите про гениальность?

Выпрямившись, Артур понюхал перчатку:

– Отнюдь. Он действительно хорош в своем деле. Если что-то можно вытянуть из окровавленного клочка плоти, Коршун это сделает...

* * *

Через пару часов Логов уже знал, что скальп был снят с мертвого тела. Женщине было лет пятьдесят, не меньше, она страдала ожирением и себореей. Скальп сняли уже с мертвого тела, поэтому крови было не так много. А произошло это не более чем за двенадцать часов до того, как подросток нашел его на нее... Кровь не засохла за это время только потому, что накрапывал мелкий дождик и скальп оставался влажным.

– Странно, что труп без скальпа так до сих пор и не обнаружен, – проговорил Логов, шаря цепким взглядом по сто-

ронам, словно тело могло лежать здесь у всех на виду.

Коршун наставительно произнес:

– Имейте в виду, Артур Александрович, что здесь мы видим полный скальп с прилипшими к нему кусочками костной ткани. Индейцы же снимали только волосы с макушки врага. Небольшой кружок размером примерно с серебряный доллар. Но натуральная кожа отлично растягивается. Вы в курсе? Что индейцы чаще всего и делали. Но в исключительных случаях снимали полный скальп и даже с ушами, особенно если в них были какие-то украшения, кольца, к примеру...

– Божечки. – Артур покачал головой, подыгрывая криминалисту. – Страсти какие...

– Не дурачьтесь, Логов! Я вас насквозь вижу.

– Это из фильма «Смерть ей к лицу»!

Коршун ухмыльнулся:

– Приятно знать, что вы тоже его любите...

Артур принял серьезный вид:

– Анатолий Степанович, но это же не так просто сделать, а?

Коршун сделал губами презрительное: «Пф-ф!»:

– Снять скальп? Нет ничего проще! Переворачиваете труп на живот, левой рукой хватаете врага за волосы...

– Врага?

– ...чуть приподнимаете его голову и уверенным движением отделяете кожу от черепа. Режете по кругу. Потом

наступаете на шею трупа и резким движением отрываете скальп. При этом раздается звучный хлопок...

– Вы же не судмедэксперт, Анатолий Степанович, откуда столько знаний из смежной отрасли?

– Вы сами и ответили, Артур Александрович! Отрасль-то смежная...

– Убийца мог перепачкаться кровью? – спросил Артур уже всерьез.

Коршун задумался лишь на секунду:

– Если у жертвы был раздроблен череп, то да, безусловно. И кровь, и ошметки мозга могли прилететь ему прямо в лицо.

– И на одежду...

– И на одежду. Но не факт, что жертва умерла от черепно-мозговой травмы. Скальп абсолютно не поврежден. Кстати, индейцы иногда снимали скальпы и с живых людей.

Артур покачал головой:

– Но это не наш случай.

Хотя никаких вариантов он пока не исключал...

Никиту он уже отправил в комитет, чтобы тот засел за компьютер – проверить списки пропавших на сайте «Лиза-Алерт», прошерстить соцсети, поскольку в официальном розыске данных о пропаже блондинки лет пятидесяти не нашлось. Его всегда одолевали сомнения – не перенапряжет ли Ивашин свой единственный глаз, проводя несколько часов перед монитором, но раз уж парень выбрал эту профессию...

Подростков Логов допросил на месте, но толку от их показаний было мало, как и от бормотания Славки Шестакова, которого скальп сбил с мачты. Криминалисты обнаружили на ней десятки отпечатков, но все – детские, маленькие. А Славка был в шерстяных перчатках.

– Я мерзлячий, – жалобно признался он Артуру, навестившему его в больнице.

Ничего ценного к тому, что Логов и так уже знал, мальчишка не добавил. В этот парк Славка забредал нечасто, обычно они тусовались на ВДНХ, там дорожки лучше, можно на скейтах погонять. А здесь дыра на дыре... Так что, кто натянул на видеокамеру пластиковый пакет – Славка не видел.

* * *

– Зачем вообще было закидывать скальп на рею?

Саша сдвинула брови, сердясь на то, что не может с ходу разгадать замысел преступника.

– Это демонстрация. – Логов уже изнывал без порции кофе, а официант не спешил прийти на помощь.

Они встретились в кафе, вполне заурядном, зато рядом с Сашиним домом – потом добежит без приключений. С тех пор как она окончила школу, Артур не стал волноваться за нее меньше. В конце концов, Саша Каверина вообще была единственным человеком в мире, за кого Логов волновался

по-настоящему. И это ничуть его не напрягало...

Так и не став отцом, Логов в глубине души признавал ущербность своей жизни, хотя особенно и не переживал по этому поводу. Тоска о детях не вписывалась в его плотный график... Как замена родного ребенка Сашка устраивала его более чем: ей уже не нужно было менять памперсы, и она даже могла сама приготовить обед. Получалось не очень, но какие ее годы!

Хотя полностью самостоятельной считать Сашку было трудно: она нигде не работала и до сих пор не определилась, чем вообще хочет заниматься в жизни. Артур убедил ее, что, помогая ему в расследованиях, девочка вполне официально и честно зарабатывает гонорар частного сыщика. Пусть и не зарегистрированного...

Сейчас Сашка смотрела на него с укоризной:

– Да понятно, что демонстрация! Ты совсем туго соображаешь без кофе? Но кому демонстрация? И почему в парке? Подложил бы этому человеку под дверь, отправил посылкой...

– У тебя криминальный склад ума, – хмыкнул Артур. – Возможно, тот человек, которому нужно было увидеть скальп, каждый день проходит мимо этого городка. Или это даже целая группа людей... А, вот и кофе, наконец!

Худенький, бледный официант, слегка вздрогнул, услышав про скальп, и Артур снизу заглянул ему в глаза:

– Вы что-то слышали об этом?

– Нет! – испуганно открестился он. – Вообще ничего. Просто странно в наше время слышать о... таком...

– О скальпе? – охотно подсказал Артур. – Представьте себе: не перевелись еще апачи на земле русской!

Точно кирасу, официант прижал поднос к груди:

– Я только в детстве про них читал...

– Как и все мы. Как думаете, что может заставить человека вернуться к детским фантазиям?

– Я не знаю. Может, он выжил из ума?

Логов разочарованно протянул:

– О нет... Этот парень умен. Настолько, что я пока не могу уловить ход его мыслей...

– Отстань от него, – тихо сказала Саша. – Он-то при чем?

– Точно? – Артур прищурился, и официант побледнел еще больше.

Когда Логов наконец отпустил несчастного, Саша заметила:

– Кстати, не только индейцы снимали скальпы. Геродот писал, что еще древние скифы этим грешили...

Рука Логова замерла в воздухе вместе с чашкой:

– Ты читала Геродота?

– А что такого? По-моему, у тебя было время убедиться, что я не идиотка...

– Я тоже не идиот. Но Геродота точно не читал.

– Он же отец истории! Если уж начинать, то с него.

Артур вздохнул:

– Каюсь.

– У тебя слишком много работы, когда тебе, – когда Сашка начинала жалеть его, глаза ее принимали собачье выражение. – Вот выйдешь на пенсию...

– Через четверть века! – возмутился он.

– ...обязательно почитай его «Историю». Это, кстати, первая целиком сохранившаяся книга прозы. И она потрясающе написана, это тебе не то что учебник штудировать! Такой слог...

– Обещаю. – Артур одним махом отхлебнул половину кофе.

– И вообще, Геродот был просто невероятным! Он же бунтарь – против какого-то там тирана боролся, тот его сослал... Кто помнит того тирана, да? А Геродот остался в веках.

– Напомни, как мы дошли до Геродота?

Звякнув ложечкой, которой она соскребала остатки меда-вика, Сашка рассмеялась:

– Он писал о скальпах, которые скифы снимали с трупов своих жертв.

– Точно! В нашем случае жертва – не очень молодая женщина. Что и кому может демонстрировать ее скальп?

Сцепившись взглядами, они замолчали на какое-то время, потом одновременно заговорили.

– Саш, мы должны вернуться на место преступления.

– Надо посмотреть, что там рядом с парком!

– Откуда просматривается детская площадка? Не случай-

но же он закинул скальп на рею... Если бы скальп висел ниже, то не попал бы в поле зрения того человека, который должен был увидеть его.

Она уже вскочила:

– Пойдем же!

– Да уже темно, – остановил ее Артур. – Утром я заеду за тобой.

У Сашки раздулись ноздри:

– Нет, сейчас. Что за манера тянуть? Где-то бродит чудовище, которое снимает с женщин скальпы, а ты спокойно отпавишься спать?

– Пока только с одной женщины, – пристыженно пробормотал Артур, поднимаясь.

– А тебе мало?!

Ждать официанта она не позволила, нашла наличку, чтобы не тратить время, сунула Артуру. Он положил купюру под чашку и сделал жест официанту – на чаевые там тоже хватало. Надо же было искупить то, что он напугал мальчика до смерти...

«Не надо шутить с этим словом, – одернул себя Логов. – Пусть все будут живы».

* * *

Уже зажглись желтые фонари, свет которых тепло плавал в студеном воздухе, когда мы с Артуром вернулись на дет-

скую площадку в старом парке. Как ни странно, там до сих пор гуляли женщины с детьми, а днем их не было... Спят долго?

Пока в городке работали криминалисты, полицейские организовали оцепление, и обрывок полосатой ленты до сих пор трепетал на ветру возле качелей. В то время многие пытались проникнуть сюда, но их разворачивали. Теперь проход был открыт, и дамам было что обсудить: они сгруппировались тремя группками, но время от времени кто-нибудь из них переходил от одной к другой.

– Хорошо, что ты со мной, а то еще приняли бы за педофила, – усмехнулся Артур, когда мы приблизились. – Ни одного отца... Где они вообще?

– Ты мог бы спросить об этом моего, если б он был жив. Логов скривился:

– Вот уж не думаю, что мне захотелось бы с ним встретиться. Мне и его труп хватил. Уж извини...

– Я и сама не рвалась его видеть. Считаю меня максималисткой, но я в жизни предателя не прощу. И моя мама была не единственной, кого он предал.

Это Логов знал и без меня – сам расследовал то жуткое дело, не знаю, зачем я об этом напомнила. Но Артур не стал тыкать меня носом, только вздохнул:

– Ты права... Ну что, начнем?

Натянув приветливые улыбки, мы приблизились к ближайшей женской стайке, и какофония голосов, одновремен-

но звучавших на разной высоте, разом стихла. Они все обернулись к нам, и я не сказала бы, что вид у дамочек был доброжелательный.

Пожелав всем доброго вечера, Артур расцвел своей лучшей улыбкой, но ни на одну это не произвело впечатления. Сейчас они стояли на защите своих детей, что, впрочем, не заставило их увести малышей с площадки, где еще недавно валялся скаल्प... Жадное любопытство пересилило отвращение и боязнь за самое дорогое.

Я почувствовала, что уже презираю этих сплетниц.

Показав удостоверение, Артур принялся расспрашивать: не видел ли кто из них человека, укрывшего камеру пакетом, ведь можно было не сомневаться, что именно он и притащил сюда скаल्प. И почти наверняка был убийцей.

– Может быть, вы проходили мимо вчера вечером? Или ночью... Я понимаю, конечно, что вы не гуляете в такое позднее время, вы ведь все семейные... Но вдруг кто-то из вас живет рядом? Случайно из окна выглянул?

Я попыталась вспомнить, когда в последний раз смотрела ночью из окна и поняла: никогда. Так что можно было не надеяться на их помощь... Хотя все они постепенно очаровывались улыбкой Артура и было заметно, до чего каждой из них нестерпимо хочется выделиться из толпы, помочь этому красивому человеку, сообщив нечто настолько важное, чтобы он испытал жгучую благодарность! А там, глядишь, и...

Сама ситуация их тоже явно возбуждала. Близость крова-

вой тайны будоражила воображение, и они переглядывались с выражением ужаса и восторга, с сожалением покачивая головами. А вот была бы удача, если б кто-то из них мог стать настоящим очевидцем!

Я уже стала опасаться, что одна из них решится выдать свои фантазии за реальные показания, лишь бы только побеседовать с Артуром наедине. Но момент был упущен... Если бы сейчас одна из них внезапно воскликнула: «Ну конечно! Я же видела его», – это вызвало бы только подозрение. Дамы оказались умнее, никто не рискнул поставить на краткую беседу с обворожительным следователем свою репутацию порядочной матери семейства. Тем более под прицелом камеры, с которой полицейские уже сняли пакет и отправили его на экспертизу...

Меня только порадовало то, что дамочки остались монолитом, а Логов был разочарован. Обведя всех своим ясным взглядом, в котором неумолимо гасла надежда, он протянул: – Ну что ж... Благодарю, что уделили время.

Я просто кожей почувствовала, как у них зачесались руки – схватить его, удержать, чтобы еще полюбоваться таким лицом. Во взглядах, которые я ощущала на себе, сквозили недоумение и досада: «За какие заслуги этой замухрышке такое счастье?!»

Им не узнать, что Артур Логов никогда не был и не станет моим счастьем...

– Глупо было надеяться, – вздохнул он, когда мы отошли

в сторону.

Я попыталась вернуть его на землю:

– Это только в кино персонажи ночами выглядывают из окна.

Но Артур уставился на меня с недоверием:

– В смысле? Я часто смотрю на луну, если встаю ночью.

Встаю, конечно, не затем, чтобы в окно посмотреть...

– Я понимаю – зачем! Можешь не объяснять.

– Тебя пугают физиологические подробности? – ухмыльнулся он.

– Только когда речь идет о таких стариках, как ты...

– Ах ты, зараза! – Артур добродушно ухмыльнулся. – Ладно, что мы имеем? Точнее, не имеем... У нас нет ни подозреваемого, ни свидетелей. Даже трупа и того нет! Что это за убийство вообще?!

Недовольно оглядев площадку, пустевшую с каждой минутой, он перевел взгляд на светившиеся разноцветными пятнами многочисленные окна окрестных домов.

– Где-то там живет человек, которому предназначалось это послание... И хрен найдешь ведь! А надеяться на то, что он проявит сознательность и объявится сам...

– Типа, я разгадал тайну скальпа? Сейчас я назову вам имя убийцы!

Артур рассмеялся:

– Да уж... Дело темное.

– Да хоть лампочку наконец поменяли, – неожиданно про-

звучало у меня за спиной. – А то один фонарь, и тот не горел!

Живо повернувшись к разговорчивой старушке с сумкой на колесиках, Логов легко подхватил:

– И не говорите! Я давно здесь не был, когда ее поменяли-то?

Не останавливаясь, она проворчала, лихо сдвинув на макушку вязаную шапку непонятного цвета:

– Вчера в это же время шла – тьма была кромешная.

Артур уже вышагивал с ней рядом, а я тащилась за ними следом, чтобы не пропустить ни слова.

– А как же дети на площадке играли?

– Так у них там своя подсветка! Вон, вишь, на носу корабля лампа? Спит – будь здоров!

Обернувшись на ходу, он бросил на меня восторженный взгляд, и я сообразила, что его так порадовало: если корабельная лампа светила в глаза тем, кто находился внизу, они никак не могли увидеть человека, запечатавшего видеорекамеру. Да он даже скальп мог при них повесить, никто и не заметил бы! Только для этого ему заранее нужно было прийти таким же вечером и оценить, насколько невидимым он останется для детей, играющих на площадке, и их родителей. А в темноте забираться на сам корабль мамы не разрешают – убиться же можно... Сегодня никто не играл на нем. Хотя теперь на него и днем вряд ли кто-то решится залезть. По крайней мере, не скоро.

Артур что-то еще выпрашивал у наблюдательной ста-

рушки, но я уже не слушала. Пожелав на прощание здоровья, он наконец-то отпустил ее и вернулся ко мне.

– Ну что, поняла? Этот парень может быть электриком!

– Думаешь, это он и сменил лампу в фонаре?

– Наверняка. И ни у кого не вызвал подозрения, хоть заодно пакет на камеру натянул... Выполняет человек свою работу, чего на него глазеть? Он мог прямо днем это сделать, на глазах у всех!

– Скальп? Он сразу его повесил?

Артур задумался:

– На его месте я все сделал бы заодно. Какой смысл несколько раз светиться? К тому же диспетчер управляющей компании мог заметить, что камера в парке перестала передавать изображение, и послать кого-нибудь разобраться.

– Только он не заметил...

– Козел, – беззлобно ругнулся Логов и вдруг опять рванул к мамочкам на площадке.

Пришлось мне бежать за ним.

Они, конечно, уже не рассчитывали увидеть Артура снова и потому прямо расцвели от неожиданной радости. И он, конечно, не разочаровал их – улыбнулся так, что у них россыпь мурашек прошла по телу, даже не сомневаюсь. Меня всегда забавляет, как он использует свою мордаху для дела... А почему нет? Я ведь тоже часто намеренно трогаю сердца людей, прикидываясь хрупкой, незащищенной девочкой, когда мне нужно что-то выведать у них... Мне должно быть стыд-

но за это? Не думаю. По большому счету мы же боремся со злом и никому не вредим при этом!

И тут я вспомнила про наших крымчан Колесниченко. Когда я думаю, на каких руинах им теперь приходится выживать, меня подташнивать начинает. Стоило ли того наше расследование?

Артур убеждает, что нам не в чем себя винить. Мы не имели морального права оставить зло безнаказанным, какими бы мотивами оно ни прикрывалось.

Мне ничего не остается, как верить ему, иначе все теряет смысл. С подобными ощущениями Артур живет уже много лет – как это ему удастся? Насколько оправданно служение закону, придуманному людьми? Часто ли он входит в противоречие с законом Божьим? И как вообще возможно разрешить это противоречие, самому не став при этом ни преступником, ни отступником?

У меня уже было время убедиться, что служба не задавила в Артуре человеческое начало и он способен к состраданию, даже если оно толкает его самого на вещи, недопустимые с точки зрения Уголовного кодекса. По крайней мере, один раз он буквально на моих глазах преступил все мыслимые нормы, поступив по-человечески... И я стала уважать его еще больше, хотя, возможно, его заклеили бы и суд, и церковь. Не знаю. Надеюсь, там тоже хватает людей, способных к состраданию.

Я успела подумать об этом, пока Логов расспрашивал все

тех же матерей, гуляющих с детьми возле проклятого корабля. Теперь Артура интересовал электрик – не видел ли кто его, не заметил ли машину? И тут ему улыбнулась удача! Правда, очень скромно...

– Точно, вчера тут меняли фонарь, – вспомнила невысокая молодая женщина, похожая на встрепанного воробья.

– Лампу в фонаре, – подсказал Артур, прямо впившись взглядом в ее покрасневшее от холода лицо.

Она так смутилась, что громко шмыгнула носом.

– Ну да. Какой-то мужик в форме тут ползал.

– В какой форме?

– Да фиг его знает, – она скривила рот. – В какой-то...

– Мужик или парень?

Ее взгляд уплыл в сторону – она силилась вспомнить.

– Вроде молодой. Ловко карабкался. Но я его со спины видела. Не, ну не то чтобы видела... Так, взглянула.

– У него было специальное оборудование?

– Вроде было...

– А машину не заметили?

С виноватым видом наша единственная свидетельница покачала головой:

– Да там полно машин стоит! Какая его – фиг знает...

– И то правда, – вздохнул Артур. – Примерно в какое время это было?

– Ну... Часов в девять? Я с родительского собрания шла. Общешкольного.

– Я уточню, – обрадовался Артур.

Хоть время прояснилось, подумала я с облегчением. И мужик в форме электрика точно был. Настоящая форма или камуфляж – еще предстоит разобраться. Но лампы в фонарях он сменил, и на том спасибо. Правда, при этом повесил на детской площадке скаल्प, снятый с убитой женщины...

Где эта женщина?!

* * *

Можно было ожидать, что ночью ему приснятся индейцы с бронзовой кожей, пытающиеся настичь его и снять скаल्प... Засыпая, Артур даже услышал стук копыт – племя мчалось на него из темноты. Он открыл глаза и понял, что это стучит в ухо сердце через согнутую руку. Никто не сотрясал воздух воинственным кличем, не угрожал копьем, пугая боевой раскраской...

И ночь прошла спокойно, без снов, о чем Артур даже пожалел наутро: в ночном мире ему доводилось пережить самые невероятные, разноцветные приключения.

На ощупь отыскав телефон, он пожелал Сашке доброго утра, не рискуя разбудить девочку, – она выключала свой на ночь, прочитает, когда проснется. Логов не мог позволить себе прервать связь с реальностью, его могли вызвать в любое время суток. И все же ночью это происходило крайне редко, ведь трупы, как правило, обнаруживали с рассветом.

Сегодня никаких сообщений и звонков не было, поэтому Артур решил заехать в управляющую компанию, следившую за старым парком, и выяснить, кто из их сотрудников менял лампы в фонарях. Интуиция подсказывала, что это ложный ход и тот человек в форме вряд ли действительно работает у них электриком. Слишком неправдоподобная беспечность со стороны убийцы, способного хладнокровно отрезать кожу с головы мертвой женщины. Не каждый рецидивист на такое пойдет...

Рядом с кафе возле дома, где Логов обычно брал кофе навынос, сегодня топтался маленький старичок в длинном пальто, выгуливающий шоколадную таксу. Собачка оказалась столь миниатюрной и изящной, что неожиданно напомнила ему Сашку, какой она была в Евпатории, загорев почти мгновенно. Ее худенькие прямые плечики так же блестели на солнце...

Он улыбнулся хозяину таксы, а тот, сделав приветственный жест, приложил пальцы к драповому берету.

– Какое утро, а? – произнес старичок мечтательно, как будто не повидал на своем веку тысячи ясных рассветов.

Но Артур не любил без нужды портить людям настроение. Ему и так приходилось это делать слишком часто... Поэтому он хватался за любую возможность порадоваться жизни, в которой все еще случались солнечные дни, когда облака походили на полосы слюды, свободно и лениво плывущей по прозрачной голубизне. И уже от этого хотелось улыбаться.

– Чудесное, – легко подхватил он заданный тон. И попросил, уже наклонившись к собаке: – Можно погладить?

– Почему нет? Моя Марта очень дружелюбна, надеюсь, она позволит вам это... Как, Марта?

Присев, Артур заглянул в темные, немного удивленные глаза:

– Ты не против?

И мягко провел рукой от маленькой теплой макушки вдоль всего мускулистого тельца. Такса часто задышала от удовольствия.

– Вы ей понравились, – одобрительно заметил старик.

– А она крепкая!

– Это же охотничья собака, не диванная.

– Почему вы назвали ее Мартой? Она родилась в марте?

– Вовсе нет. Помните... Впрочем, вы вряд ли помните...

Был такой фильм «Долгая дорога в дюнах».

– Почему же? Отлично помню, – погладив таксу еще раз, Артур поднялся. – Все, понял. Главную героиню звали Мартой, а вы были в нее влюблены.

Старый собачник ахнул, театрально откинув голову:

– Молодой человек! Вы с ходу разгадали мой секрет.

Артур рассмеялся:

– В Марту были влюблены мужчины всех поколений.

– А девушки в Артура...

– Вы не поверите, но меня именно так и зовут.

– Артур?!

– Только с ударением на втором слоге. Моя мама обожала роман «Овод».

– Боже-боже. – Старик прижал руку к сердцу. – Какое удивительное утро... Кстати, я охотно верю, что именно так вас и зовут. У вас хорошее лицо, как и у того персонажа... Не замечали? Часто красивые мужчины вызывают антипатию. А вы сразу располагаете к себе... Вы не доктор?

Артур вздохнул:

– Увы!

– С моей стороны будет очень нескромно поинтересоваться, чем вы занимаетесь в жизни? – Он склонил голову набок, совсем как его такса.

Впервые Логов почувствовал необъяснимую неловкость за то, какую выбрал профессию:

– Ловлю преступников.

– О боже... Вы – полицейский?

– Следователь.

Немного подумав, старик признал:

– Это разные вещи. Но я все равно поражен. Почему вы не стали актером? С таким-то лицом! Вы могли быть русским Аленом Делоном...

– Миру хватит и одного Делона. А меня никогда не тянуло на сцену, даже в детстве. Все эти стишки на табуретах. – Артур поморщился. – Не мое. Мне нравилось разгадывать головоломки.

– Вы умны, – произнес хозяин таксы почти с сожалени-

ем. – Это все объясняет. Табаков, кажется, говорил, что хороший актер должен быть дураком. Нет, вряд ли Олег Павлович произнес именно это слово... Скорее, он сказал: «Глупым». Должен быть глупым. Знаете почему?

– Чтобы слушался режиссера. Это понятно.

– А следователь должен быть умным. Как Шерлок Холмс. У вас есть свой доктор Ватсон?

Артур усмехнулся:

– Вряд ли ей понравится такое прозвище... Но есть одна девочка...

– Девочка?

– Она только окончила школу.

– А, – откликнулся старик с облегчением, – так она совершеннолетняя.

– Вы не о том подумали, – холодно остановил его Логов. – Она мне как дочь. Хотя по крови мы не родственники... Но она очень помогает мне в расследованиях. В сравнении с Ватсоном она просто гений.

Кивая на каждую фразу, тот слушал его с замороженным видом. Потом покачал головой:

– Как же я рад, что мы с Мартой встретили вас этим утром... Вы сделали наш день! Вы развеяли мои сомнения в том, остались ли еще на свете благородные мужчины... Вдобавок умные и красивые. Знаете, кто вы? Современный король Артур.

Логов попытался остановить его, но старик цепко схватил

его за локоть:

– Да-да, и не возражайте! Тот легендарный король ведь тоже восстанавливал справедливость. Его Круглый стол – тому примером. Странно, что ваша матушка дала вам имя не в его честь...

Застенчиво отдалившись от них, насколько позволял поводок, Марта присела под кустиком, на ее морде возникло мечтательное выражение. Артур невольно следил за ней, одновременно думая о матери, которая всю жизнь мечтала завести таксу, и о Сашке, всерьез собравшейся открыть собачий приют. Вряд ли там будут породистые собаки... Таких редко выгоняют из дома.

– Это была советская эпоха. В юности мама, наверное, не читала легенды о рыцарях Круглого стола.

– А «Янки при дворе короля Артура»?!

– О, это потрясающая книга! – обрадовался Артур. – Но мне ее принес отец. Он вообще любил Марка Твена.

– А сейчас? – удивился старик. – Марк Твен из тех авторов, в которых влюбляешься в детстве и на всю жизнь.

Уже давно Артуру удавалось произносить это спокойно:

– Мои родители погибли много лет назад. Наверное, папа и сейчас с удовольствием перечитал бы «Янки...». У него было отличное чувство юмора.

– Много лет назад, – в чужих устах это прозвучало трагичнее. – Бедный мальчик... Вы ведь тогда были мальчиком?

– Скорее, юношей, – улыбнулся Артур. – Уже студентом.

Я выжил, как видите.

Высокий лоб под беретом вдруг напряженно сморщился:
– А та девочка... Почему вы ей стали как отец? Родного у нее тоже нет?

– Вы тоже очень проницательны, – признал Логов. – Она такая же сирота, как и я. Наверное, еще и это роднит нас. Она потеряла родителей в том же возрасте. У нее теперь только я... Коллега. – Он взглянул на часы: – И мне пора будить ее. Нас ждет непростое расследование.

Отступив, старик произнес почти благоговейно:

– Храни вас бог, Артур. И вас, и ту девочку... Знаете, я в жизни видел разные союзы. И не всегда самыми близкими людьми становятся супруги. Или родители и дети. Возможно, вы с этой девочкой останетесь вместе на всю жизнь.

Артур пожал его сухую холодную руку:

– Спасибо. Но я все-таки надеюсь, что она найдет свое счастье. И надеюсь, что мы с вами еще увидимся у этой кофейни! Каждое утро я покупаю здесь кофе.

Напоследок улыбнувшись старику, он потрепал мягкое ушко Марты и унес ее тепло с собой.

Больше Артур никогда не встречал их... А заведя на улице таксу, каждый раз с сожалением думал, сколько людей проходит сквозь нашу жизнь и не возвращается. Но некоторым из них удастся оставить след, глубокий настолько, что в нем годами скапливается живая вода, позволяющая нам жить и верить, будто мы это делаем не впустую...

Побледневший менеджер управляющей компании установился на Логова круглыми глазами. В них мигало: «SOS. Следственный комитет!» Артуру почудилось, будто Сашка хихикнула за его спиной.

– Вот только-только, – пролепетал менеджер. – Минут пять как уехали.

Артур взглянул на его бейджик:

– Михаил, я правильно понял, что девятого сентября никто из ваших сотрудников не менял лампы в фонарях? Говорите как есть, не пытайтесь угадать ответ, который меня устроит.

Парень лишь мотнул головой. Длинная шея его беспомощно дернулась, вытянувшись из белого воротничка. Артур улыбнулся ему почти ласково:

– А что, никто из жителей не жаловался?

Со свистом втянув воздух, Михаил принялся оправдываться:

– Заявка поступила третьего... Сентября. Но сначала автокран был занят на других участках. Потом электрик заболел... Время гриппозное.

– И не говорите, – подхватил Артур. – До того опасное, что волосы с головы срывает вместе с кожей...

Менеджер задохнулся:

– К-какие волосы?

– Светлые, – успокоил Логов. – Не как у вас и у меня. Только не говорите, что не слышали, что вчера на детской площадке парка, который вы обслуживаете, нашли скаल्प. Человеческий.

– Я думал, это очередная страшилка...

– Нет, что вы?! – вмешалась в разговор Сашка. – Настоящий скаल्प. Я тоже его впервые увидела. То еще зрелище...

– Перед тем как повесить его на рее кораблика, убийца надел на камеру пакет, а после вставил лампу в фонарь. Думаю, именно в таком порядке... Как вы считаете, эти разнонаправленные действия нейтрализуют друг друга?

Нервно моргнув, Михаил громко сглотнул:

– Что?

– Шучу. Давайте-ка с вами проверим, до какого часа камера в парке еще работала.

Выяснив, что позавчера запись велась до двадцати двух часов пятнадцати минут, Логов распорядился:

– Позвоните вашему электрику, пусть ждет меня в парке.

Проверять, набирает ли менеджер номер, Артур не стал. Этот парень не выглядел дерзким настолько, чтобы ослушаться...

– Ну ты даешь, – давась смехом, проговорила Сашка на ходу. – Как он жив остался?

– Это все моя корочка, – пожаловался Артур. – Она пугает людей до смерти... А сам-то я – вполне милый парень!

– Бываешь... Иногда.

– Ладно тебе. Ты же меня не боишься? Не считаешь страшным копом?

В этот момент они подошли к его машине с разных сторон, и Сашка уже хотела открыть пассажирскую дверцу, но остановилась и серьезно посмотрела на Артура поверх крыши.

– Знаешь, что я думаю о тебе на самом деле?

Он замер:

– Опасаюсь услышать...

– Было бы классно, если б на Земле было как можно больше людей, похожих на тебя.

Его отпустило:

– О как? Спасибо. А с чего это все меня сегодня расхваливают? Может, я чего-то не знаю о себе? У меня рак?

– Тьфу на тебя! – рассердилась Сашка. – Болтаешь всякую чушь...

Но сев в машину, не удержалась:

– А кто еще тебя хвалил?

Артур улыбнулся во весь рот:

– Ревнуешь? Не бойся, это бабушка, а не девушка. Милый такой старичок в беретике и с таксой...

– Таких уже не осталось! – не поверила она. – Когда я была маленькой, такие, в беретиках, играли в шахматы на скамейках... Мама рассказывала, что я обожала болтать с ними. Можешь себе представить? В три года я еще не была соци-

опаткой!

– Социоопаткой, – проворчал Логов. – Насмотрелись «Шерлока»...

Сашка подмигнула:

– Ревнуешь?

И не дождавшись отклика, вернулась к старичку:

– Значит, одного такого дедушку ты откопал. Повезло!

– Наверное, последнего... Он здорово поднял мне настроение еще до кофе.

– Что может поднять настроение до кофе?!

– Беседа с хорошим человеком. Теплая собачья голова. Маленькая такая...

– Ты не врешь? Где ты его нашел?

Артур с сомнением приподнял плечо:

– Может, это он меня нашел?

Коренастый электрик, слегка похожий на Чарльза Бронсона, только без ковбойской шляпы, похоже, нервничал – без устали сжимал в руке резиновое кольцо-эспандер, Артур таких уже сто лет не видел. Но это могло ничего не значить, мало кому удастся сохранить невозмутимость, когда им интересуется Следственный комитет. «Бронсон» пытался: взгляд голубых глаз с характерным прищуром не отводил, и широкий рот еще больше растянул в сдержанной улыбке. Логов оценил то, как электрик старался, но лучше бы сказал что-то важное...

– Откуда ж мне знать, кто тут шустрил? Мне только этим утром наряд дали. Я ни сном ни духом.

– Чар... Как вас зовут на самом деле? – Логов перехватил смеющийся Сашкин взгляд.

– Анатолий Сергеевич. Агишев.

«Татарин, – машинально отметил Артур. – Совсем не ковбой... Хотя почему? Как они говорят: “Я – татарин, значит, я люблю лошадей”. О чем я? При чем вообще здесь лошади?!»

– А работа правильно выполнена? – переключился он. – Вы как оцениваете?

Электрик оглянулся на фонарь, словно тот мог пожаловаться ему.

– Нареканий нет. Парень знает свое дело. Протяжку всех внутренних контактов сделал. Когда закрывал светильник, резиновые прокладки аккуратненько установил.

– А они для чего?

– Ну как? Прибор защищают от пыли, влаги... Чего там еще? Без них быстро сдох бы. Потом вот – заземление в порядке, видать, проверил. Так что все как положено.

– То есть работал профессионал? На ваш взгляд...

Поджав губы, Агишев поразмыслил:

– Как есть – наш брат...

На всякий случай выяснив, где сам Анатолий Сергеевич находился за два часа до полуночи, – «Сериал с женой смотрели по телику. Могу пересказать!» – Артур отпустил его. Еще раз измерил взглядом железную мачту:

– Это явно молодой мужчина, довольно ловкий, который работает или раньше работал электриком. Он не дурак, потому что позаботился о том, как бы не наследить...

– И он крайне жесток, – добавила Саша.

– По-твоему, снять скальп с трупа – это жестоко?

– Вообще-то он сначала убил эту женщину...

– Ну да. Немолодую и полную, которая явно не могла убежать от него. Согласен, жестоко. Как и любое убийство...

Артур обвел взглядом дома, окружавшие парк, и вдруг настороженно прищурился:

– А это что за здание? Вон то, видишь? Только верхний этаж торчит из-за деревьев.

– Это же психушка.

– Психушка? А это интересно... По крайней мере, сразу возникают версии.

– Врачи-убийцы? Медбрат, замучивший несчастную шизофреничку?

– Как вариант, – одобрил он и подмигнул. – Друг мой Сашка, а не наведаться ли нам в психиатрическую больницу? Как у тебя с головой?

Она съязвила:

– Не очень, раз я таскаюсь с тобой по холоду вместо того, чтобы найти нормальную работу на удаленке и зарабатывать собачкам на корм.

– Там не будет ни одной таксы, – грустно откликнулся Артур.

– С чего ты вдруг о таксах?

– Встретил одну утром... С тем старичком в беретике.

– Как ми-ило, – пропела она и показала язык.

– И Моники у тебя тоже не будет.

Продолжая дурачиться, Сашка протянула тоненьким жеманным голоском:

– Мужчи-ина, вы такой стра-анный!

– Дурочка, – он по-свойски обхватил ее за шею. – Пошли кофейку выпьем, а то я сейчас начну рычать и кидаться на людей.

– Такого не бывает!

– Ты меня плохо знаешь. Заодно обдумаем план действий. Я видел кафе через дорогу.

* * *

О, что это оказалось за кафе! Почему мы с мамой ни разу в него не заглядывали? Ее ведь тоже заводил стильный твист Умы Турман и Траволты в «Криминальном чтиве»... А тут их легкие, утонченные изображения змеились по всем стенам, будто мы попали в причудливую, витиеватую реальность Тарантино. Здесь было тепло, пахло корицей и кофе. Мама любила эти ароматы...

– Очуметь, – отозвался Артур, оглядевшись. Глаза его так и засветились от восхищения. – В таком месте тянет перейти на сторону зла – такое уж оно симпатичное...

– Миа – вовсе не зло, – возразила я. – Разве она кому-то причинила вред?

– Ну, подергаться-то заставила!

– Когда ей адреналин в сердце кололи? Ну да-а... А ты знаешь, что эту сцену в фильме показывают в обратном порядке? На самом деле шприц выдергивали, а не всаживали ей в грудь.

Артур вздохнул:

– Кругом обман...

– А больше-то она ничего плохого не делает... Винсент-то, конечно, гангстер, но тоже весь такой милый бегемотик.

Мы усадились с нашими чашками в самый угол, чтобы обзор был побольше, и несколько минут просто пили кофе – Артур, как обычно, двойной эспрессо, а я капучино – и разглядывали рисунки, фотографии и виниловые диски, украшавшие стены. Мой локоть вдруг ощутил тепло маминой руки, к которой я прижималась, когда мы вместе смотрели этот грандиозный фильм. И умирали со смеху над парочкой Тима Рота и его нелепой подружки, решивших стать грабителями не в то время и не в том месте...

Наверняка мои учителя осудили бы маму за то, что она показывает ребенку фильм, в котором слово «fuck» звучит около трехсот раз, но к тому времени, когда я подросла, тартановский шедевр давно причислили к новой классике, и мама, видимо, решила, что девочку, читающую наизусть

Блока и Гумилева, одной циничной байкой о часах в заднице вьетнамского ветерана не испортишь.

И она была права, раскрывая мне многообразие этого мира, но в лучших его образцах. Невозможно прожить, совершенно избежав соприкосновения с грязью, но пусть неизбежную дозу кокаина занюхает на экране Миа и чуть не сдохнет от этого на твоих глазах, чтобы адреналин, который вкололи ей прямиком в сердце, навсегда стал твоей прививкой от желания попробовать... Мне уж точно ни разу не захотелось рискнуть. Мама знала, что так и будет?

– Ну что, молочный коктейль за пять баксов?

Я даже вздрогнула, когда голос Артура заставил мое теплое видение мгновенно померкнуть и растаять. Не знаю, что было в моем взгляде, но лицо у него так и вытянулось...

– Что? – тихо и уже не так весело спросил он.

«Не стоит ненавидеть его, – остановила я поднявшуюся в душе волну. – Уж он-то ни в чем не виноват».

– А ты знаешь, что Ума уговаривала Тарантино подобрать другую музыку для их танца? – спросила я, чтобы саму себя вернуть к реальности. – Но Квентин сумел убедить ее, что нужна именно эта мелодия.

Он кивнул:

– Это песня Чака Берри «You Never Can Tell».

– Так ты знал?

– О нелюбви к ней Умы? Нет. Впервые слышу. Зато я знаю, что Лэнса в этом фильме мог сыграть Курт Кобейн.

Отказался... Но Штольц там тоже неплох.

– А кто плох? – возмутилась я. – Один другого лучше!

– Я бы вообще на месте американских киноакадемиков заказал Тарантино какому-нибудь киллеру... Он ведь живое опровержение того, что кино – дело сложное и нужна серьезная подготовка. Самоучка, пацан, подрабатывавший сначала в кинотеатре, где крутили порнофильмы, потом в видеопрокате...

Я слушала его с удивлением:

– Тебе не кажется, что для следователя ты слишком смахиваешь на фаната самого криминального режиссера?

– Это искусство, детка, – пропел Артур. – Но чьим бы то ни было фанатом меня трудно назвать... Правда, некоторые фильмы Тарантино я действительно пересматривал не раз.

– Надеюсь, не это свело вас с мамой?

Логов выразительно поморщился:

– Свело!

– Ну... объединило.

– А ты не знаешь, как мы встретились?

Я попыталась припомнить, но это забылось начисто. Пришлось предлагать свои версии:

– Грабитель вырвал у мамы сумочку? А ты поймал его, скрутил и вернул ей сумочку в букете роз? Нет? Может, она зачиталась по дороге и вышла прямо под твою «Ауди», а ты свернул в столб, чтобы спасти ей жизнь? Опять мимо? Ну я не знаю... Она выпала из окна небоскреба, а ты, как Бэт-

мен, подхватил ее на уровне десятого этажа? И вы парили в ясном небе меж пушистых облаков, пока она не призналась, что влюбилась в тебя с первого взгляда?

– Тебе романы сочинять бы, – буркнул он. – А что? Может, тебе этим и заняться? Даже учиться нигде не надо... Тут уж или есть талант, или его нет.

– С чего ты взял, что у меня есть?

Артур принялся загибать пальцы:

– Ты наблюдательная. Это важно и для писателя, и для сыщика. Ты – домоседка. Писатель не должен быть непоседой, а то ему в тягость будет работа... И потом, у тебя отличная база – ты прочитала, кажется, все на свете.

– Это еще не значит, что я сама могу написать книгу!

– Нет. Но у тебя может получиться – ты ведь артистичная от природы. Любишь примерять маски. Писатель именно этим и занимается! Он вживается в своих героев, причем в каждого, а артист исполняет только одну роль. Так что писателем быть интереснее.

– Разве для этого не нужен жизненный опыт? Что я могу поведать миру такого, о чем еще никто не рассказывал?

Но Артур, похоже, загорелся этой идеей. До того, что мне стало неприятно... Показалось, будто в эту самую минуту он пытается избавиться от меня в качестве неофициальной помощницы следователя, ведь у него теперь появился Никита, который, конечно, был не глупее, чем я. Но Логов же – благородный человек и не может просто выгнать меня из сво-

ей жизни, поэтому решил занять чем-то, чтоб я сама отказалась от наших расследований. Ведь ныла же, что с Артуром приходится таскаться по холоду и уже не раз рисковала жизнью... Все так. Только по доброй воле я не бросила бы это невероятное занятие, которое утягивало меня с головой. Но если он настаивает...

Я встала. Он сделал удивленные глаза:

– Ты куда? А...

И взглянул на дверь женского туалета, как будто больше мне некуда было отправиться.

– Туда, куда ты меня отправляешь.

И выскочила из кафе прежде, чем Артур опомнился.

Пока он расплачивался, я успела перебежать дорогу и заскочила в супермаркет. Через стекло витрины было отлично видно, как Логов выскочил на улицу, завертел головой... Только сейчас, наблюдая со стороны, я заметила, что на него засматриваются буквально все женщины, любого возраста, даже оглядываются в надежде. Но Артур никого не замечал, он искал меня... Правда, это абсолютно ничего не значило. Он просто боялся не оправдать маминых надежд и тем самым предать ее память.

Когда Артур достал телефон, я на всякий случай выключила звук на своем, хотя вряд ли он услышал бы его на улице, где сновали машины. И конечно же, не стала отвечать – мне впервые хотелось спрятаться от него.

«Хорош играть в дружбу с сорокалетним мужиком! Это

ненормальные отношения. Мы не родня. Мы вообще никто друг другу», – мысленно я старалась разговаривать с собой грубовато, чтобы скорее очнуться от затянувшегося наваждения. Ну какой из меня сыщик? Если я что-то и сделала полезного, то лишь по подсказке Артура. Найдёт другого исполнителя... Уже нашел.

И все же я чуть не задохнулась от обиды, когда этот красивый человек спрятал телефон, сел в свою ухоженную машину и просто уехал, даже не попытавшись найти меня. Разве он не понимает элементарного: иногда люди прячутся только затем, чтобы их искали?

Можно было пойти домой и действительно попробовать сочинить что-то, полное разочарования и гнева... Или вернуться к идее собачьего приюта, которую так активно душили чиновники... Но мне сейчас не хотелось ни того, ни другого. И вдруг вспомнилось: на ВДНХ, рядом с моим домом, еще работает книжная ярмарка – чудное место, чтобы не оставаться одной, но общаться только с книгами. Никто даже внимания на меня не обратит... Вот где можно спрятаться от Артура и провести весь день.

Хоть этот парк в центральной своей части и кажется мне чересчур помпезным, я все равно люблю бывать здесь, ведь на этих аллеях прошло мое детство. Я гоняла тут еще на трехколесном велосипеде, потом на роликах, а мама украдкой встревоженно следила за мной, хотя и пыталась делать вид, будто читает.

Тогда я была жутко разговорчивой и могла часами что-то рассказывать маме, пока мы бродили окраинами парка, в то время еще пустующими. Она клялась, что ей всегда было интересно меня слушать, и я верю: так и было. Ведь мама любила меня, а в человеке, которому отдано твое сердце, все важно, все волнует...

Почему Машка никогда не гуляла с нами? Где она была в то время, пока мои рассказы уводили нас все дальше? У них с отцом уже тогда были какие-то общие интересы? Этого я уже не узнаю. Да не очень-то и хотелось, если честно.

Мы были с ней сестрами по крови, но не слышали ее голоса. В моей памяти сохранились лишь отдельные вспышки, высвечивающие нас вместе: я делаю ей прическу, используя все заколки, обнаруженные в доме. У сестры всегда были длинные густые волосы, и мне ужасно нравилось запускать в них ручонки. Наверное, мои маленькие пальчики рождали приятные ощущения, – я помню, как у Маши закрывались глаза, а я все дергала ее:

– Не спи!

– Да не сплю я, – огрызалась она и просила: – Продолжай.

Когда кремировали ее тело, волосы, наверное, вспыхнули и сгорели первыми? Длинные светлые пряди, похожие на мамины... Тела родителей тоже кремировали. Отца и Машу похоронили в Дмитрове рядом с нашим дедом – его отцом, чтобы бабушка, живущая в этом городе, могла навещать их. Ей это было нужнее, чем мне... А мамин прах мы с Артуром

развезли над ее любимым Черным морем. Ей хотелось этого. Вообще-то она мечтала жить там, а не покоиться, но Вселенной не всегда удается четко расслышать наши желания...

Я размышляла об этом, бродя вдоль книжных рядов ярмарки. На сценах возникали знакомые лица: Андрей Усачев, Дмитрий Глуховский, Захар Прилепин... Интересно, если свести их за одним столом, у них найдется что-то общее? Я посидела бы с первым из этой троицы, хоть вроде уже и вышла из детского возраста. Но у него, по крайней мере, все в порядке с чувством юмора...

Время от времени я вытаскивала телефон и не могла удержаться от злорадства: Артур продолжал мне названивать и посылал сообщения:

«Сашка, что случилось? Я чем-то тебя обидел?»

«Саша, в чем дело? Где ты?»

«Эй, ты со мной не разговариваешь, что ли?!»

– И как ты догадался? – усмехнулась я и остановилась послушать грустного клоуна Славу Полунина – совсем уже дедушку с седыми лохмами и усталыми глазами.

Внезапно прямо у меня в ухе прозвучал знакомый голос:

– Цирк любишь?

У меня ослабели коленки – то ли от испуга, то ли от радости... Не поворачиваясь, я спросила:

– Как ты меня нашел?

Артур громко фыркнул:

– Использовал служебное положение.

– Ты отследил мой телефон?!

– Сама виновата. Что ты устроила?

– Развязала тебе руки. Ты же откровенно дал понять, как тебе не терпится от меня избавиться! Да я понимаю: очень тебе надо нянчиться со мной...

Его пальцы крепко сжали мой локоть, и Артур вытащил меня из толпы, собравшейся поглазеть на Полунина. На его лице застыло такое свирепое выражение, что я решила: сейчас он одним махом свернет мне шею... Но Логов только смотрел на меня волком и молчал. И тем самым вынудил оправдываться, хотя еще минуту назад я не сомневалась, что это он виноват передо мной.

– Ну правда! – пробормотала я, стараясь не смотреть в его светящиеся злобой глаза. – Ты же не обязан возиться со мной всю жизнь... Я взрослый человек. Я выживу. Занимайся своими делами.

– Черта с два, – прошипел Артур мне в лицо. – У нас общие дела. И даже не пытайся свалить все на меня!

– Но я же не работаю в Следственном комитете!

– Ты сама не захотела.

– Да, но...

– Я тебе надоел? – неожиданно спросил он совсем другим тоном.

И взгляд его мгновенно изменился... Если я сейчас отвечу «да», это будет сродни тому, как наотмашь ударить ребенка, который смотрит на тебя доверчиво и умоляюще.

Нетрудно догадаться, что у меня язык не повернулся.

* * *

Артур давно понял, что Сашка интуитивно подсказывает ему такие вещи, до которых он сам и не докопался бы. Как ей вообще могло прийти в голову, будто ее присутствие в тягость ему?! Даже если б Саша Каверина была тупой как пробка, то все равно действовала бы на него успокаивающе, с этими ее прозрачными глазками и светлыми, как у ребенка, волосишками. Но эта девочка была далеко не душой, а в чем-то казалась умнее его самого.

Вот только в этот день почему-то повела себя по-идиотски... Когда Логов разыскал Сашу на книжной ярмарке и вернул ей способность соображать, они отправились пообедать в итальянский ресторанчик. Он выбрал страну, которая не напоминала бы Сашке о маме... К тому же они оба просто любили итальянскую кухню, а здесь готовили потрясающую пасту!

Объяснений Артур больше не требовал, и девочка заметно расслабилась. И они наконец-то смогли вернуться к делу...

– Знаешь, что я вычитала про скальпы, – начала Сашка, наматывая спагетти. – Только уже не про скифов и даже не про индейцев. Ближе к нам... Оказывается, тут неподалеку, в Подмосковье, после революции создали коммуну для труд-

ных подростков. По-настоящему трудных – малолетних бандюков... Неудивительно, что однажды там убили воспитательницу. Не просто так, если честно... Она была садисткой какой-то, издевалась над ребятами. За любую провинность наказывала просто зверски. Особенно девчонок... Знаешь, что она делала?

– Даже боюсь предположить...

– Брила им головы в наказание, чтобы они становились уродками. Труп этой воспитательницы обнаружили в подвале одного из корпусов. Ей вырезали сердце и сняли скальп... Понимаешь почему, да? Тогда в местной газете вышла статья о жестоких играх в индейцев вчерашних беспризорников. Но это были не игры, а месть...

– Убийцу нашли?

Сашка покачала головой:

– Коммуны же считались прогрессивным явлением, поэтому дело вообще замяли. Ни один из ребят, само собой, не сознался в преступлении, и на друзей никто не наступал.

Артур выслушал ее серьезно:

– Думаешь, подражатель?

– Похоже.

– Один или несколько... Раз ты откопала ту статью, и другой мог найти. А подростки и сегодня бывают – не дай бог.

И сам опроверг себя:

– Нет, в любой школе уже хватились бы, если б учительница не вышла на работу. А тут никаких сигналов... Так

что это, скорее всего, другая история. Но подвалы проверить стоит.

Сашка вздохнула:

– Вообще-то я не о подвалах... Это похоже на акт мести. Разве нет?

– Ну, я же сразу сказал, что это демонстрация. Скальп неспроста повесили на видном месте. Кто-то обязательно должен был увидеть его...

– Интересно, увидел?

– Тебе это правда интересно?

Она немного подумала:

– Ну да. Всегда хочется понять мотивы и реакции всех действующих лиц...

Теперь замолчал Логов, размазывая по тарелке кровавый соус. Может, Сашка и не ждала от него извинений, ведь уже поверила в то, что он вовсе не хотел ее обидеть, и все же Артур тихо произнес:

– Прости меня, Саш... Наверное, я в кафе неловко выразился. Мне просто вдруг пришло в голову, что у тебя действительно может открыться талант... Разве это не замечательно? И никакой подоплеки в тех словах не было, поверь. Так что никогда больше даже мысли не допускай, будто я пытаюсь от тебя избавиться. Никогда. Ты – самый дорогой мне человек. Самый близкий на всем свете.

Хоть Сашка уставилась в тарелку, он догадался, что у нее навернулись слезы, – кончик маленького носа неудержимо

краснел. И все же ей удалось выдавить:

– И ты. Мне.

– И вовсе не потому, что у меня никого больше нет. Мы с тобой просто созданы работать вместе! Ты понимаешь меня, как никто. Вот только сегодня удудила...

У нее вырвался смешок, сдобренный всхлипом, и на секунду Сашка подняла глаза – их голубизна была подернута влагой.

– Ну-ну, – прошептал Артур. – Все хорошо. Мы вместе.

И коротко стиснул ее маленькую руку, сжавшуюся на ска-терти. Потом заговорщицким тоном спросил:

– Хочешь зепполе?

Она трогательно шмыгнула:

– Не знаю. А что это?

– Та гадость, которую ты обожаешь...

– Пончики? – сразу оживилась Сашка.

Артур воздел указательный палец: в точку!

– У итальянцев это традиционное блюдо на День святого Иосифа. Он, правда, весной, но зепполе есть в меню, я посмотрел. Берем?

– А не дорого? – забеспокоилась она.

– Девушка, угомонитесь, я угощаю.

– Ладно, – просияла она. – Я с удовольствием. А ты что будешь?

– Кофе. Я и так уже обожрался. – Артур закатил глаза и похлопал себя по плоскому животу. – Гончая должна быть

поджарой...

В тот же день, прихватив оперативников Овчинникова с Поливцом, он прочесал все подвалы домов, окружавших парк. Сумрак каждого из них был наполнен своими шорохами и запахами. Здесь было полно обитателей и шла своя тайная жизнь, а вот женского трупа без скальпа они нигде не нашли, хотя даже не все двери оказались закрыты. Именно в этих подвалах, несмотря на сдержанное проветривание, стоял особенно мерзкий запах и валялись кучи тряпья, пустые бутылки и скомканные обертки.

– Бомжам тут тепло, – заметил Овчинников, как показалось Артуру, с состраданием.

– Только не светло, – проворчал Поливец, обшаривая подвал лучом фонарика.

– Трупного запаха не чувствуется.

– Да тут так воняет – не почувствуешь, если даже гора трупов гнить будет!

– Меньше болтайте и больше слушайте, – посоветовал им Логов, и оба послушно замолчали.

Все чаще, выбираясь на воздух, Артур поглядывал на здание психиатрической больницы, строго белевшее за облетающими тополями. Грустное зрелище... А если у тебя не все в порядке с нервами, как пережить осень? Потому и случаются обострения...

«Похоже, у меня именно оно, раз я решился на такое». –

Он отпустил оперативников, у которых заканчивался рабочий день. Постановления на обыск больницы у Логова не было, он собирался действовать на свой страх и риск. Но его охватило то знакомое нетерпение, которое обычно не обманывало и выводило к цели, о которой Артур только смутно догадывался. То, как часто он сравнивал себя с гончей, идущей по следу, было оправданно – его действительно вело чутье.

Попасть на территорию больницы было не сложно: на въезде проверяли только машины, а пешеходов никто не останавливал, видимо, они казались охранникам настолько безобидными, что не могли причинить никакого вреда. На ночь и калитку, и сами ворота запирали, открывая только машинам «Скорой», поэтому нужно было выбраться отсюда пораньше.

«Ауди» Логов оставил возле парка, прихватив из багажника набор с инструментами, фонарь, пакеты для улик и несколько пар латексных перчаток. Все это, чтобы сойти за посетителя, сложил в обычный пластиковый пакет, в каких больным носят передачи. Подумав, сунул за пояс пистолет, мало ли... Свое удостоверение приберег на крайний случай – если попадется. Лучше бы, конечно, выйти сухим из воды, а то Разумовский устроит ему разнос... Но в любом случае это будет потом, а труп нужно искать сейчас...

Не взглянув на охранника, Артур уверенно прошел на территорию больницы и, не замедляя шага, повернул за угол

– якобы к центральному входу. С КПП уже не было видно, что он прошел мимо и добрался до торца здания, где, по его воспоминаниям, и находился вход в подвал с улицы. В последний раз Артур был тут года три назад, когда брали спрятавшегося в подвале серийного убийцу, о котором сообщили санитары. Тогда навесного замка не было, и Логов очень рассчитывал, что не окажется его и сейчас – возни больше.

«Нормальные следователи так не поступают, – выговаривал себе Логов, на ходу доставая отмычки. – Дождался бы ордера и вошел как белый человек... Но ты же не можешь так работать! Однажды тебя самого упекут за решетку, дурак...»

Но руки уже ловко проделывали свою незаконную работу, и Логов не мешал им, прислушиваясь к шагам и шелесту шин – как бы не застучали... Первая отмычка не подошла, но уже второй замок щелкнул, и дверь послушно поддалась. Артур быстро шагнул в темноту, и ноздри его задергались от отвращения: есть! Трупный запах он не перепутает ни с каким другим, хотя вовсе не разложившееся тело цель его охоты, а тот, кто оставил его. Ловец ловца, вот кто он такой.

Дверь за собой Артур прикрыл, чтобы случайно не привлечь ничьего внимания. В поисках выключателя пошарил по стене, оказавшейся холодной и склизкой, но не нашел его, вытер руку и включил фонарь. И сразу обнаружил выключатель – он находился ниже, чем Логов рассчитывал.

Свет оказался тусклым, зато он охватывал все равномер-

но, а не пучком, как фонарь. Его Артур пока не стал выключать, чтобы яснее различать все, чем заполнен подвал.

«Надо было надеть маску, – пожалел он. – Дышать нечем».

Грузное тело лежало под окном. Видимо, преступник перетаскивал его сюда, чтобы не включать лампочку и не привлекать внимания. Тусклого света, сочащегося сквозь мутное стекло, хватило, чтобы снять скальп с несчастной женщины. На ней был белый халат, уже порядком посеревший, но видно, что медицинский, значит, она работала тут.

Раскинув полные ноги, пожилая – судя по черным венам, змеившимся по икрам, – женщина лежала лицом вниз, и Артуру сразу вспомнилась техника скальпирования: перевернуть труп на живот, приподнять голову, потянув за волосы... Но все равно ведь надо иметь навык! Разве у него, например, получилось бы проделать такое?

«А может, не так и сложно? – подумал Артур с сомнением. – Если рука твердая и нервы стальные, то вполне получится? Электрик... Такие люди достаточно хладнокровны, раз всю жизнь работают с током. Лечился здесь? А убитая издевалась над ним, пока он был в ее власти? Вырвался на свободу и отомстил? Это возможно. Надо проверить медицинские карты».

Крови на спине не было, а лица он не видел. Но судя по черной полосе на шее, ее задушили, скорее всего, проводом. У электрика нет недостатка в таком добре. Логову хотелось перевернуть тело, осмотреть – нет ли ран на груди и животе,

но Коршун за такое самоуправство отгрыз бы ему руки...

Телефон в подвале не ловил, и Артур направился к двери, чтобы вызвать подмогу и криминалистов, когда услышал металлический звук, от которого у него на миг перехватило дыхание. Кто-то повернул в замке ключ и запер его снаружи...

– Нет-нет-нет! – завопил Логов и бросился вверх по ступенькам, замолотил по двери кулаками. – Откройте! Полиция.

Никаких звуков из-за двери не доносилось. Артур опустился на верхнюю ступеньку, уныло уставился в пол. Вот так влип... Страшно ему не было, ведь убийца не решился войти и вступить в схватку. Противно – другое дело. Так глупо попался... И теперь всю ночь придется сидеть с трупом и задыхаться от запаха смерти. До утра вряд ли кто-то пройдет мимо, даже если без усталости барабанишь в окошко.

Артур попытался собраться с мыслями: если это был охранник, который на ночь глядя обходил территорию больницы и заметил открытую дверь, почему он даже не заглянул в подвал? Невозможно же не задаться вопросом: нет ли кого-то внутри? Не сама же она открылась, черт возьми! Или у них тут в порядке вещей, что проход в подвал открыт для всех желающих? Тогда странно, как это до сих пор тут никого не убили!

– Ладно, нечего расслаиваться, – произнес он вслух, чтобы взбодриться от звука собственного голоса. Хотя что-то

живое...

Вернувшись к выключателю, Логов попробовал подать миру знак и даже припомнил азбуку Морзе, которую они с друзьями по двору – Юркой и Пашкой Колесниченко – освоили в детстве. Уж как послать сигнал SOS он помнил...

Минут десять Артур потратил, щелкая выключателем, потом плюнул в сердцах: никто не видит! А если и видит, то не понимает.

– Надо выбирать, – сказал он себе самому и примерился к единственному узкому окошку, до которого было метра три. Ну, может, чуть меньше.

Артур снял плащ и аккуратно сложил его возле лестницы на картонной коробке из-под какого-то медицинского прибора. Подтащив четыре старые автомобильные покрышки, чудом оказавшиеся в подвале, Логов затолкал на них окошечко, заскорузлые от застывшего раствора, и перевернул их вверх дном. Разыскав обломок кирпича, Артур вооружился им, подтащил к своему помосту старый деревянный ящик, с которого проще было взобраться наверх, и залез на перевернутые носилки.

Теперь главное было не свалиться с этого сооружения и не сломать себе шею... Действовал он осторожно, но довольно уверенно, зная, что нерешительность добавляет неловкости. С этой высоты Артур мог дотянуться до окошечка и попытаться выбить стекло. Даже если он не сможет протиснуться сквозь него, по крайней мере появится доступ свежего воз-

духа. А утром через эту дыру можно будет докричаться до прохожих.

Отведя руку с кирпичом назад, Артур примерился и вдруг увидел за стеклом человеческое лицо.

* * *

– А чем ты собираешься кормить собак?

Почему-то этот вопрос не особо волновал меня, пока мы с Никитой обивали пороги разных инстанций. Казалось: будет у дворняг крыша над головой и собственная теплая подстилка – и все, дело решено. Тем более я собиралась поселить вместе с ними в бывшем отцовском особняке женщин, сбежавших от жестоких мужей в никуда. Они заботились бы о моих питомцах, купали их, вычесывали, выгуливали... Но кормить-то на какие деньги?! Была какая-то идея насчет фриланса, но я уже поняла, что на такие деньги самой бы прокормиться...

– Черт, – вырвалось у меня. – Я как-то не подумала...

– Ну ты даешь! – восхитился Никита. – Самое главное упустила. Я думал, что меня никто не переплюнет в непригодности к жизни, но ты всем фору дашь!

– Еще слово – и ты за порогом, – пригрозила я.

Мы сидели прямо на полу у меня в комнате и резались в дурацкую, но веселую игру «Казазяка». Я, конечно, выигрывала, но чувствовала, что получается не совсем честно: во-

первых, для меня в ней все было знакомо (мы тысячу раз играли с мамой), а во-вторых, Никите наверняка было сложно одним глазом выхватывать точки на кубике... Но поддаваться я не собиралась, ведь он сразу это понял бы и обиделся. Ему во всем хотелось быть на равных со здоровыми людьми, и мне это было понятно. Я вела бы себя так же...

– Ладно-ладно. – Он миролюбиво заморгал. – Я больше не буду. Но ты, Сашка, еще тот лох...

– Я уже поняла. Что же делать-то?

По тому, как мало ему понадобилось времени, чтобы ответить, я догадалась: Никитка давно уже все обдумал.

– Есть вариант. Ты же знаешь, что мой дед умер летом? Вы с Артуром в Евпатории были...

– Он говорил. Никит, я... сочувствую.

– Ну да. Спасибо. – Он рассеянно кивнул. – Я к чему это? Квартира осталась мне. В самом центре. Четыре комнаты. Представляешь, сколько она стоит?

У меня прямо кошки на душе заскребли:

– И?

– Нам с тобой на всю жизнь этих денег хватит!

Я еле выдавила – губы онемели:

– Нам с тобой?!

– Ой, нет! – испугался Никита и даже выронил кубик, который крутил в пальцах. – Ты не то подумала... Я тебе не предлагаю со мной жить или замуж! Тем более...

Мне удалось продохнуть:

– А что ты предлагаешь?

– Чтобы этот приют собачий стал нашим совместным предприятием.

Ничего себе! А в этом мальчишке, оказывается, всюду пульсирует предпринимательская жилка... Вот не подумала бы.

– И как ты себе это представляешь?

– Мне много не надо, – заявил он. – Я продам свои хоромы, куплю себе что-нибудь поменьше, а оставшиеся деньги пустим на приют.

Меня разобрал смех:

– Чтобы их просто прожрали? Да ты – прирожденный бизнесмен!

Никита помотал своей пушистой головой:

– Не-не! Мы там еще гостиницу для собак откроем. Многим же нужна передержка на время отпуска или пока в больнице, или еще где...

– Тоже верно.

– Вот! И мы будем зарабатывать на этом. Только надо будет там нормальные площадки для собак оборудовать. И детские тоже, если женщины с детьми будут... Потом мебель, всякие лекарства, продукты. На первое время нужно будет вложиться. Вот деньги с продажи квартиры и пригодятся!

Мне захотелось его обнять – таким восторженным ребенком он сейчас казался. Остались же такие в нашем мире... Но я с сомнением покачала головой:

– Это ты сейчас так настроен: мне много не надо и все такое... А через несколько лет женишься, дети родятся, и жена тебе плешь проест за то, что ты продал эту квартиру в центре. Лучше не надо.

Мне почудилось или его губы и вправду дрогнули, точно Никита собирался заплакать? Я даже замолчала от неожиданности. Только он не расплакался, а произнес довольно сухо:

– Ты хоть понимаешь, что говоришь? Разве я могу жениться?

– А почему нет? – не поняла я. – Ты опять из-за своего глаза, что ли?! Да ну, бред... Это же вообще незаметно! Если б ты мне сам не сказал, я в жизни не догадалась бы.

– Не в этом дело. – На меня он не смотрел, перекладывал карточки с изображением смешных монстров.

Мне опять стало не по себе:

– Есть еще что-то?

– Есть, – выдохнул Никита. – Но тебе не нужно об этом знать.

«У него еще какой-то части тела не хватает?!» – в первый момент я ужаснулась этому, но потом меня начал разбирать смех, который во что бы то ни стало нужно было сдержать, иначе Ивашин не простил бы меня до конца дней.

– Ладно, – выдавила я.

Внезапно он так и просиял:

– Так ты согласна? Берешь меня в долю?

– С такими-то миллионами? Спрашиваешь еще!

Никита начал прямо подсакивать, как мячик, и восклицать:

– Сашка, ты не пожалеешь! Мы с тобой лучший собачий приют забабахаем! Вот увидишь!

– Можно и кошкам выделить место.

– Еще бы! Как же без кошек?! О! Как там у нас классно будет!

Мне показалось, что у Никитки сейчас случится сердечный приступ от радости и никакого приюта он не увидит... Кинув в него карточку со Шлепадлом, я рассмеялась:

– Угомонись, а?

Часто, по-собачьи, дыша, он смотрел на меня счастливыми глазами. Точнее, одним, но мне показалось, что и стеклянный светится восторгом.

– А может, мне самому там поселиться? Тогда все деньги будут целы.

– Пусти козла в огород, – проворчала я. – Нет уж! Я не хочу, чтоб у меня там притон получился вместо приюта.

– Ты что подумала?! – возмутился Никита. – У меня и в мыслях не было...

– Ага, конечно!

Он подмигнул:

– Ну, в принципе, я и у тебя могу жить. Ты же тоже одна.

– Нет.

Это прозвучало так жестко, что самой резануло слух. А

свечение в его глазах сразу погасло...

– Это мамина комната, – проговорила я через силу. – И она останется маминой. Даже Артур ни разу там не ночевал.

Опустив голову, Никита бросил кубик, но тут же накрыл его ладонью.

– А где он спит?

– Ну не со мной же! – огрызнулась я. – В гостиной на софе.

Он улыбнулся:

– Так вы с ним не...

– С ума сошел?! Логов мне как отец. И я ему как дочь.

Усвой уже это раз и навсегда.

Его улыбка стала еще шире:

– Хорошо, хорошо! Как скажешь. Я просто подумал: вдруг в Крыму что-нибудь... изменилось...

– Ничего не изменилось. И никогда не изменится.

– Супер!

Я видела, как его отпустило, только не понимала почему? Его-то как это касается? Почему людям так нравится лезть не в свое дело?

– Кстати об Артуре, – вспомнила я. – Забыла ему еще кое-что рассказать...

– По этому делу?

– Я залезла на один форум – там общаются родственники пси... Пациентов психиатрической больницы.

Никита показал головой на окно:

– Той, что за тем парком?

– Той самой. Она нас заинтересовала потому, что из ее окон просматривается та детская площадка с кораблем. Вдруг это им посыл предназначался?

– Скальп? – Никита присвистнул. – Хороша больница...

– Так вот, я задала в чате вопросик...

– И какой же? – заинтересовался он. – Не снимают ли с больных скальпы?

– Почти. Я спросила: бреют ли в этой клинике пациенток?

В его голосе прозвучало сомнение:

– Думаешь, в этом причина?

Если бы я могла знать наверняка!

– Надо было сообщить Артуру, что мне ответили...

Никита нетерпеливо заглянул мне в глаза:

– И что же?

Я помедлила:

– Нет. Такого там не делают.

– Это же хорошо?

– Я боюсь, он полез туда... А может, и смысла нет рисковать!

Резко выпрямившись, Ивашин заговорил другим тоном:

– Что значит – полез? Один? Они же с операми прочесывают подвалы. Но в больнице им никто не даст делать обыск без постановления!

– Да уж Логов знает, наверное! – съехидничала я, не удержавшись. – Потому я и опасаясь, что он проберется туда... нелегально. Но оперативников на такое дело с собой не возь-

мет. Мало ли... Сдадут еще!

У Никитки округлились глаза и отвис подбородок:

– Ой-ой... Это может плохо кончиться.

– О чем и речь. – Я взяла телефон и скользнула пальцем по имени Артура – в списке номеров он значился первым. – Надеюсь, мы успеем его тормознуть.

Мы замерли в ожидании, держа друг друга взглядами. В такие мгновения я подсознательно выбирала его живой глаз, хотя и не помнила об этом каждую минуту. Почти не дыша, мы ждали гудка в трубке... Но механический голос, который я тотчас возненавидела, радостно сообщил, что абонент находится вне зоны доступа. А где тогда?!

– Ничего не случилось, не придумывай, в подвале просто может не быть связи, – скороговоркой выпалил Никита и начал лихорадочно собирать карточки.

Я вскочила:

– Да брось ты их! Побежали!

Он и вправду швырнул портретики монстров на пол. В ту секунду я уже знала: если с Артуром что-то случилось, я больше не притронусь к «Казазяке» до конца жизни.

Но я не позволила этой мысли задержаться, яростно прогнала прочь, испытав лишь секундный ужас перед крошечным мраком... Никита дернул меня за руку, будто почувствовал, куда я погружаюсь, и не позволил, одним рывком вернул к реальности, в которой нужно было действовать, а не раскачиваться в трансе.

И мы побежали...

* * *

Никита надеялся провести этот вечер по-домашнему – с чаем, настольными играми, болтовней ни о чем. Хотя Саша Каверина не только не была его семьей, но даже возможности такой не допускала, его все равно тянуло остаться с ней наедине. Посидел бы у порога, как приبلудный пес, если в дом не пустит...

Она, конечно, не знает, что снится ему. Каким мокрым и обессиленным просыпается он после таких снов, как комкает несвежую простыню, пытаюсь смириться с тем, что счастье опять было только иллюзией...

«И не дай бог узнает!» – пугался Никита одной лишь мысли. Прогонит ведь, и больше близко не подойдешь к ней.

Он был ей не нужен. У Саши не возникало желания пленять всех и каждого – подобное он замечал за некоторыми красивыми девчонками. Они коллекционировали покоренные души. Зачем? Никита подозревал, что они и сами не знали этого.

Может, дело было в том, что Сашка не считала себя красивой? Зато ему все труднее было отвести от ее удивительного лица свой единственный глаз. Впервые он увидел ее зареванной, с опухшими глазами и носом – в таких никто не влюбляется! Кроме него... Тогда убили ее маму, и сердце

Никиты ныло от жалости к этой девочке, в тот момент еще школьнице, внезапно лишившейся всего мира. Она парила в черном вакууме, не зная, за что схватиться, и ему так хотелось, чтобы именно его рука стала единственной, за которую Саша сможет удержаться.

Но Артур показался ей надежнее... И это ничуть не удивляло Никиту. Он тоже предпочел бы, чтобы в минуту, когда задыхаешься от горя, именно Логов оказался рядом. Умный, надежный, спокойный. Чертовски обаятельный! Думая о нем, Никита не мог удержать вздох: ему самому таким в жизни не стать... И уж совсем не верилось, что в мире есть другая девушка, на которую ему так же захочется просто смотреть часами, хотя при этом трудно, почти невозможно дышать... О какой женитьбе вообще можно вести речь?

Когда Артур увез ее в Крым, той же ночью Никита чуть не вышагнул из окна – до того нестерпимо жгли его ревность и тоска. До их отъезда он и не подозревал, до чего влюблен в Сашку, вообще не задумывался об этом. Она была рядом, и Никита дышал одним с нею воздухом. Этого хватало. Она уехала, и он начал задыхаться...

Разве он хоть отдаленно мог сравниться с Артуром Логовым, с которым она была рядом в эти минуты, и, конечно, даже не вспоминала о Пирате? Так ведь они прозвали его. Никита знал и ничуть не обижался. «Пират» звучало не так уж и плохо. Не придурок же, не холуй... Но какое бы грандиозное прозвище они ни придумали ему, одно имя – Артур

– все равно звучало лучше. За ним тянулся целый шлейф романтических рыцарских легенд и сиял ореол благородного героизма.

Никита родился совсем другим – не настолько умным, не сказать, что сильным, не таким везучим. Хотя о каком везении можно вести речь, если Логов потерял родителей так же, как и он сам? Как и Сашка... Вот уж подобралась троица сирот!

Никита не мог злиться на своего босса, даже понимая, что этот человек отобрал у него жизнь, которую он почуял в Сашке... Увез к синему морю. А что он сам для нее сделал? Они даже не разговаривали толком, наверняка она даже не вспоминает о нем, вытянувшись рядом с Артуром на солнечном евпаторийском песке. И надеяться не на что...

А какой смысл жить без малейшей надежды?

Но когда, покачиваясь от слабости и безнадёги, Никита забрался на подоконник и увидел родной двор на проспекте Мира с высоты седьмого этажа, его слуха коснулся слабый голос деда. Волной стыда и ужаса его чуть не опрокинуло на спину: «Я мог бросить его?!» И старый полковник угасал бы от голода и горя, зная, что внук оказался слабаком... Разве он заслужил такую смерть?

– Я здесь, дед, – прошептал он, в одних носках добежав до его постели, с которой старик уже не поднимался.

– Помоги... Сесть...

Дед так исхудал в последние дни, что Никита мог бы легко

поднять его на руки, если б тот попросил. Но все, чего хотел полковник, просто сесть, чтобы увидеть что-нибудь, кроме высокого потолка. Отросшая щетина кольнула плечо Никиты через футболку, и он обрадовался этому: раз борода растет, значит, жизнь продолжается. В памяти мелькнуло мифическое поверье, будто волосы и ногти растут после смерти... Но Никита уже знал: на самом деле никакого роста не происходит, просто кожа постепенно теряет воду и сжимается. От этого прежде скрытые участки волос и ногтей выступают наружу, и кажется, точно они растут.

– Вот так – хорошо? – спросил он, усадив деда.

Иссохшая рука с удивительной цепкостью ухватила его за пальцы:

– Посиди.

Опустившись на край постели, Никита накрыл его руку своей:

– Все хорошо, дед. Мы еще повоюем!

– Не надо, – выдохнул тот с одышкой. – Навоевались уже. Хоть ты поживи в радость. Без войны. Зря я тебя в комитет запихал... Лучше б ты мирным делом занимался.

Никита мягко возразил:

– Не зря. Мне нравится.

– Девушка у тебя есть? – неожиданно поинтересовался дед.

Никогда раньше они не говорили на такие темы. Замявшись, Никита пояснил нехотя:

– Есть одна девушка... Только я для нее ничего не значу. Совсем.

– А вот тут стоит повоевать! – Старик стиснул его руку. – Не сдавайся. Никогда не знаешь, что у женщин в мыслях... Может, ей самой кажется, что она для тебя – пустое место. Борись!

Проводив деда в последний путь, Никита долго лежал на диване в своей огромной пустой квартире, пытаясь различить отголоски желания шагнуть с подоконника вниз, которое отложил до этого дня. И не слышал их... Заставил себя все же добрести до окна, чтобы глянуть вниз и понять – потянет ли его в полет без возврата... Но не успел даже взяться за ручку рамы, когда раздался звонок и веселый голос Логова вырвался из трубки, разом заполнив все комнаты:

– Привет, коллега! Как ты? Отдохнул? Работать пора.

– Вы вернулись? – Никита даже не заметил, что улыбается, отвечая Артуру.

– Вчера приехали. Вот, первым делом звоню тебе.

– А... Саша? Как она?

– Как? Не знаю. Она у себя. Дрыхнет, наверное. Ты же знаешь девчонок, они засони...

Никиту потянуло признаться, что ему ничего не известно о девчонках. А откуда? У него ни одной и не было по-настоящему... Так, случайности, о которых даже вспоминать неприятно: в темноте, тайком... Скользко, противно, стыд-

но. Но тут до него дошли главные слова: «Она у себя». Они возвращали надежду...

И Никита ожил, задышал полной грудью, даже соображать стал лучше, чему порадовался не только он сам, но и Логов, который, наверное, даже не догадывался, что творится у помощника в душе.

То, что Артур занимал его мысли ничуть не меньше, чем Сашка, не казалось Никите ни странным, ни уж тем более противоестественным. Он зависел от этого человека, и не только потому, что находился у него в подчинении. А почему – и сам до конца не понимал... Но постоянно ждал звонка от Логова, если они были не вместе, или хотя бы сообщения – знака, что Артур не забыл о нем. В этой привязанности не было ничего сексуального, в подобных фантазиях Никите являлась только Сашка. Ну или другая девушка, у которой на лице были только губы.

Иногда ему приходило в голову, что они могли бы стать семьей. Ну да, странной, конечно... Зато они хорошо понимали бы друг друга и поддерживали. Были бы настоящей командой. Они же все одиноки, почему бы не заполнить свою жизнь не кем попало, а самыми близкими по духу людьми? А кто кем кому приходился бы в этой семье, уже не так и важно...

Но Никита знал, что кривил душой: да он с ума сошел бы от ревности, если бы им с Артуром пришлось делить Сашку! Он и сейчас-то гнал от себя любые мысли о том, чем эти двое

занимаются, когда их никто не видит... Хотя она постоянно подчеркивала, что Логов ей как отец, Никита не мог до конца поверить в это. Не слепая же она... Какая женщина устоит, увидев такое лицо? А если смотреть на него изо дня в день? Любое сопротивление будет сломлено. Если только... Может, Артур и не пытается сломить его?

Когда удавалось мыслить отстраненно, Никита и сам понимал, что в Сашку не влюбляется каждый встречный. Или вообще, только ему она и кажется необыкновенной – светловолосой хрупкой феечкой из детских снов? А другие этого не замечают?

Никита незаметно скосил глаза: сейчас, запыхавшись от быстрой ходьбы и холодного воздуха, Сашка не казалась такой уж неземной. Напротив, в ней кипела жизнь, проступая красными пятнами на щеках. Она сходила с ума оттого, что Артур не выходил на связь... Никите и самому страшно было даже подумать о том, что они могут лишиться Логова. Да ну, что за бред?! Как без него?

Больничные ворота уже оказались закрыты, но Сашку это не могло остановить.

– Пойдем, я знаю, как пробраться, – прошептала она и побежала вдоль зеленой (успокаивающий цвет?) ограды.

Когда Никита снова догнал ее, она пояснила на ходу:

– Мы с девчонками пролезали в детстве между прутьями. Хотелось «на психов посмотреть»... Идиотки!

– Школьные подружки?

– Нет, дворовые, – усмехнулась она. – В школе у меня как-то не заладилось...

– Совсем? У тебя не было подруг?

Но Саша не ответила. Поравнявшись с розовой трансформаторной будкой, нырнула за нее и легко проскользнула между металлическими прутьями ограды. Никита растерялся:

– Эй, а я?

Сашка спохватилась:

– Ой, ты же не пролезешь! Ну тогда... Стой тут, я пойду разведую.

– Куда ты одна? – испугался он. – Не ходи. Я попробую через верх перебраться.

– Ну конечно! Чтобы тебя вся округа увидела? Нет уж... Останься здесь. И лучше отойди от ограды, а то вдруг патруль будет проезжать – заграбастают еще! Я звук на телефоне выключу, чтобы не выдал меня, перезвоню, если что...

Послушавшись, Никита отошел к дороге и слился со старым тополем – таким толстым, что за ним его не было видно. Вглядываясь в темноту, он пытался уследить за Сашкой, но она накинула капюшон куртки, скрыв светлые волосы, и совершенно растворилась в сумерках. Сердце у него колотилось от страха за нее, а кулаки сжимались от бессилия. Сейчас ей ничем не мог помочь ни он сам, ни Логов, куда-то подевавшийся... Дико как-то, что Сашка, эта маленькая девочка, отправилась спасти короля-рыцаря. Разве юным да-

мам такое к лицу?

Он так и услышал, как Сашка фыркнула: «Нашел даму! Еще феей назови...»

Ни к чему ей было знать, что именно такой Никита и видел Сашу Каверину за всеми джинсами, куртками и кроссовками, которыми она пыталась прикрыть себя настоящую. А как иначе? Нежной феечке не выжить в этом мире без защиты.

* * *

Мне было страшновато... Да что там! От страха по ногам пробегала мелкая дрожь, хоть я и пыталась воображать себя этакой Маленькой Разбойницей. Уши закладывало от того, как бухало сердце, с каждой секундой становясь все больше. Казалось, оно уже занимало весь мой организм... И я, бешено пульсируя, тащилась по темному больничному саду, надеясь каким-то образом отыскать Артура. А может, он вообще не здесь! Если я наткнусь на облетевшую сухую ветку, из меня брызнет кровь? Сердце ведь переполнено ею...

Надо было взять с собой хотя бы нож, может, тогда я чувствовала бы себя спокойнее. Или наоборот – это заставило бы меня дергаться еще больше? Разве я сумела бы пустить его в ход? Хотя что мы знаем о собственных реакциях, пока не прожили некую ситуацию на самом деле? Когда на меня нападут, мои руки затрясутся и ослабеют, как у ребенка?

Или пальцы сведет судорогой ярости, я стисну нож и пырну им того, кто пытается забрать мою жизнь?

Меня вела мысль о подвалах, которые намеревался обшарить Артур. В этой больнице было два корпуса, значит, и подвалов не больше. Я решила начать с высокого здания, с верхних этажей которого просматривалась детская площадка в парке. В сумерках оно казалось серым, и никак не удавалось вспомнить, какого цвета стены на самом деле... Но не желтые же! Это было бы перебором.

Я старалась ступать бесшумно, надеясь, что ни одна веточка не хрустнет под моей ногой. Вряд ли, у охранника был слух, как у дикого зверя, чтобы различить подобный звук за триста метров, но рисковать не хотелось, ведь я не была уверена, что этот дядька с пистолетом сидит в своей будке, а не прочесывает территорию. Он вполне мог вынырнуть из-за любого куста...

Чем это для меня кончится, додумывать не хотелось. Убегая от липкого страха, я двигалась, как мне казалось, стремительно и легко. На самом деле все могло выглядеть иначе: то, как видишь себя ты и как тебя воспринимают окружающие, редко совпадает... Обычное дело! Притаившийся охранник вполне мог думать сейчас: «Что за неуклюжее создание мечется между деревьями как слон в посудной лавке, воображая, будто никто ее не замечает?»

Чтобы скорее покончить с этим, я пустилась бегом напрямик. Скорее добраться до корпуса стационара, заглянуть в

подвал, а там – по результату... Если Артура не окажется внутри, остается второй подвал. Не будет его и там, придется изобретать новый план. И выполнить его будет сложнее, чем тот, который был придуман на ходу. Но пока еще оставалась надежда, что делать этого не придется!

Уткнувшись в запертую дверь в подвал, вход в который на поверхности был обозначен треугольником, похожим на палатку или «погребок», я на всякий случай подергала небольшой замок. Сбить его у меня не хватило бы сил... Но, может, это и не требовалось, если Артура не было внутри?

На телефоне у меня был фонарик, и я решила посветить им в небольшое окошко подвала. Если Артур там – должен заметить.

«А вдруг он там, но валяется без чувств?! – внезапно обожгло меня. – Убийца мог оглушить его... Ранить. О черт!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.